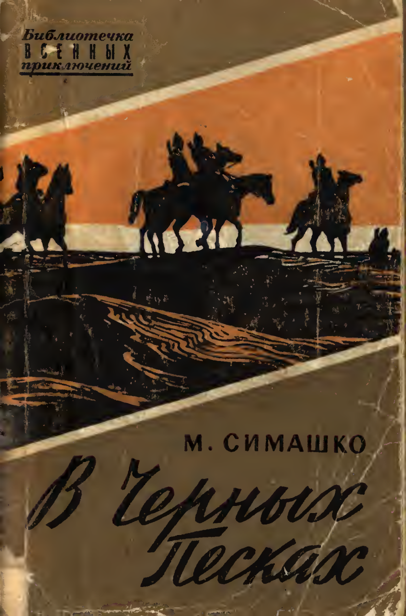

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений
М. СИМАШКО
В Черных
Песках

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

М. СИМАШКО

В ЧЕРНЫХ ПЕСКАХ

ПОВЕСТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1959

М. СИМАШКО

Симашко (Шамис) Морис Давыдович родилс в 1924 году в гор. Одессе. Пятнадцати лет поступил в Одесскую среднюю спецшколу ВВС РККА. Во время Великой Отечественной войны закончил школу пилотов и был военным летчиком. Демобилизовавшись в 1945 году, закончил в 1946 году Одесский учительскі институт, а в 1950 году — заочное отделение факульте журналистики Казахского Госуниверситета им. Киро Работал педагогом, затем сотрудничал в газете «Тур менская искра». В настоящее время М. Симашко — со ственный корреспондент «Учительской газеты» по ре публикам Средней Азии.

В 1950 году Туркменский академический театр драмь им. Сталина и областные театры республики поставили пьесу М. Симашко «На крайнем Юге» о жизни пограничников в наши дни.

В повести «В Черных Песках» рассказывается о борьбе Красной Армии с басмаческими бандами в Средней Азии. В основе повести — рассказ о судьбе бывшего па стуха туркмена Чары Эсенова — молодого бойца отряд. и его подвиге.

Повесть была опубликована в журнале «Новый мир № 10 за 1958 год..

Пощади мое сердце
И волю мою укрепи,
Потому что мне снятся костры...

Эти кони истлели,
И сны эти очень стары.
Почему же мне снова приснились?..

Нет! Это — сны революции...

Вл. Луговской

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Комиссар Савицкий задумчиво смотрел в мерцавшую ночными светляками пустыню. Восемь дней и ночей по плоским такырам и сыпучим барханам гнался отряд за бандой. Сегодня ночью ее остатки укрылись за стенами старой крепости. Особый отряд атаковал ее на рассвете вместе с колючим ветром-афганцем. Ворвавшись туда, увидели только стреляные гильзы да несколько трупов. Кровавого Шамурад-хана среди них не было. Главарь белобасмачей исчез вместе со своим помощником — жандармским приставом Дудниковым. Обыскали каждый могильник, каждый сухой кустик, но никого не нашли. Ровный упругий ветер пустыни быстро засыпал гильзы и трупы...

К вечеру афганец стих. Расставив секреты, отряд спал. Измученные кони всхрапывали у древней стены.

Комиссару не спалось. Нервное напряжение последних дней и глухой клокочущий кашель вызвали болезненную бессонницу. Не давала покоя мысль: куда мог деться Шамурад-хан? Но пустыня после песчаной бури дышала легко и спокойно. Вид темных крепостных стен на фоне мягкого бархатного неба успокаивал и заставлял думать о чем-то неведомом, давно минувшем.

— Шел бы спать, Григорий.

Комиссар оторвался от своих мыслей и повернулся к часовому. Плечистый сормовец Телешов называл его по старой партийной кличке, под какой знали его на заводе. А настоящее-то его имя Николай.

Внизу, в покинутом разрушенном ауле, залаяла собака.

— Бедно тоже живут тут...— Телешов ткнул в темноту спрятанной в рукав самокруткой.— Я думал, хуже, чем у нас в Нижегородской, не найдется голи. А тут два барана да штаны — хозяин...

Комиссар молчал. Телешов уперся сапогом в отколовшийся кусок стены, и тот мягко покатился вниз, в темноту. Не успел затихнуть шорох от падающей глины, как оба насторожились. Возле большого могильника, где сложены были боеприпасы, послышался неясный шум. Крепость охранялась со всех сторон, и никого чужого здесь быть не могло...

Над могильником поднялся кто-то в мохнатой шапке и неслышными шагами двинулся в

сторону, на мгновение остановился, потом направился прямо к ним.

— Стой! — негромко приказал Телешов и щелкнул затвором карабина. Человек остановился в трех шагах.

Комиссар зажег спичку. На него в упор смотрели черные немигающие глаза. Космы темной бараньей папахи свисали на лоб и узкие точеные скулы. Неизвестный стоял спокойно и ждал. Когда загорелась вторая спичка, он что-то коротко сказал. Комиссар уловил имя Шамурад-хана.

— Вот что, Степан: разбуди Рахимова, пусть с ним поговорит!..

Пока часовой ходил, ночной гость стоял, как изваяние, и смотрел куда-то в степь. Комиссара встревожил этот взгляд, и он правой рукой нащупал рукоятку нагана.

Подошел взводный Рахимов с фонарем. Комиссар внимательно разглядывал гостя. Это был молодой туркмен, лет двадцати. Худое бесстрастное лицо его ничего не выражало. Такими же бесстрастными и холодными были глаза. Он смотрел прямо, не мигая.

Рахимов о чем-то спросил у него вполголоса. Тот, как бы нехотя, что-то ответил.

— Говорит, нет Шамурад-хана, бежал. А сам в наш отряд хочет...— перевел Рахимов. Пока он говорил, гость настороженно смотрел на него.

— Спроси его, как он попал в крепость,— сказал комиссар.

Гость, ничего не ответив, повернулся и пошел к могильнику. Телешов хотел его остановить, но комиссар сделал знак рукой и пошел за неизвестным.

В отряде уже никто не спал. Группа бойцов собралась возле могильника. Командир Пельтинь, высокий сухощавый латыш с рукой на свежей перевязи, как всегда, молчал и угрюмо смотрел на гостя. Тот уверенными движениями разбрасывал сухой бурьян у края древней полуразрушенной ниши. Под ним оказался узкий глубокий проход. Гость прыгнул туда и исчез в темной впадине. Бойцы переглянулись. Комиссар шагнул вперед.

— Давай я раньше!..— сказал Рахимов и, взяв фонарь в одну, а маузер в другую руку, полез вниз. Вслед за ним спрыгнул сменившийся с поста Телешов. Последним в темную дыру спустился комиссар.

Вниз вели неровные каменные ступени. Комиссар насчитал их уже двести, а конца спуска не было видно. Наконец он кончился. Теперь они шли по ровной, выложенной плоским желтым кирпичом галерее. Временами приходилось нагибаться. Вскоре начался подъем, и минут через пять они оказались в большой пещере. Перебравшись через камни, которыми был засыпан вход в нее, вышли к подножию скалы.

Крепость темным пятном выделялась на фоне пустыни. Рахимов осмотрелся, потом несколько раз поднял и опустил фонарь. Из крепости ответили тем же.

— А где же этот парень? — спросил комиссар.

— Вот... только был сейчас...

Телешов растерянно оглядывался и разводил руками.

— Эй, джигит! — позвал Рахимов.

Никто не отозвался. Комиссар озабоченно

покачал головой, оглянулся на пещеру, и они медленно пошли к крепости. Пройдя полдороги, комиссар вдруг снова увидел молодого туркмена, который спокойно шел рядом с ним.

— Фу ты, черт! — выругался с сердцем Телешов.— Откуда это ты взялся?

Рахимов спросил по-туркменски. Тот что-то ответил.

— Говорит, все время там стоял,— перевел Рахимов.

— А почему не откликался?

— Молчит...

Командир развернул карту. Положение стало ясным. Шамурад-хан с тремя — четырьмя ближайшими приспешниками ушел по подземному ходу, прорытому еще во времена Сасанидов. Путь в горы был для него открыт.

Покамест командование отряда совещалось, молодой туркмен безучастно стоял в стороне. Перебросившись с ним несколькими фразами, Рахимов сказал, что он назвался Чары Эсеном, чабаном. Знает он ход под землей потому, что жил в этом ауле, возле крепости. Почему хочет в отряд, не говорит...

— Что ж, возьмем его? — спросил комиссар.

Рахимов пожал плечами. Командир молчал.

— Утро вечера мудренее...— подвел итог Телешов.

Отряд спал. Телешов предложил Чары лечь на солому рядом с ним, но туркмен отошел в сторону и сел у стены. Часовому было приказано присматривать за ним.

Утром Телешов, как будто все уже было решено, подошел к командиру и спросил, какую

лошадь выделить новичку. Командир кивнул на тонконогого красавца гнедого, захваченного вчера у басмачей. Телешов подвел коня к Чары Эсену и сунул ему в руку уздечку. Тот принялся подтягивать высокое туркменское седло, но, заметив серпообразную метку на ухе коня, опустил руки и отошел.

— Что, конь не нравится? — строго спросил Телешов.

Новичок молчал.

— Эх, хорош конек!..

Телешов потрепал гнедого по шее и неожиданно вскочил в седло. Конь сразу заплясал под ним.

Через полчаса отряд на рысях выходил из крепости. В последней паре первого взвода среди желтых кожанок и серых буденовок особистов выделялись черный тельпек [1] и перевязанный платком красный полосатый халат. Молодой туркмен ровно и привычно сидел на кауром иноходце. Бойцы подшучивали над Телешовым, не привыкшим к туркменскому седлу. Чары Эсен не захотел взять даже седло с гнедого.

Когда проезжали через развалины аула, взводный Рахимов попытался заговорить с новичком. Он что-то спросил, указывая на размытые дождями рухнувшие дувалы селения. Но тот молчал, как глухой.

— Ишь ты, бирюк!..— сказал кто-то неодобрительно.

Новичок обвел смотревших на него кавалеристов холодным. недобрым взглядом.

---

[1] Тельпек — туркменская папаха.

К полудню третьего дня подъехали к полотну железной дороги и свернули влево. Тут, на маленьком, разбитом снарядами полустанке, размещалась основная база отряда.

Откатываясь под ударами Закаспийского фронта к морю, белая армия разваливалась по дороге. От нее откалывались крупные и мелкие банды. Часть их ушла за горы через границу, другая объединилась с отрядами басмачей, которыми командовали местные феодалы. Для борьбы с белобасмаческими бандами, связанными с заграницей и ставшими серьезной угрозой, выделили несколько кавалерийских отрядов особого назначения. Отряду, которым командовал Пельтинь, было поручено разгромить крупную басмаческую группу и во что бы то ни стало захватить главаря — молодого поручика белой армии Ильясова, или Шамурад-хана, как звали его в этих местах. Но Шамурад-хану удалось уйти, и бойцы вернулись на базу угрюмые и злые. В отряде знали, что не пройдет и двух недель, как снова начнутся бандитские налеты на полустанки, поезда и селения у подножия гор, многим жителям которых не мог простить кровавый хан захвата своих бесчисленных стад.

Сразу по возвращении новичку выдали новое обмундирование: широкие кавалерийские галифе, гимнастерку, кожанку и остроконечную буденовку. Все это взводный Рахимов положил перед Чары Эсеном, или Эсеновым, как записали его в списки отряда. Новичок ничего не говорил и переодеваться не собирался. Только когда взводный коротко пригрозил, что ему придется уйти из отряда, если не на-

денет обмундирования, Чары Эсен пошел за насыпь и быстро переоделся там.

— Вот теперь кавалерист как следует!..— попробовал кто-то подбодрить его, но тут же осекся под сумрачным, тяжелым взглядом новичка.

В отряде было четверо туркмен. Каждый из них по-своему отнесся к новичку. Взводный Рахимов, серьезный и рассудительный рабочий Кизыл-Арватских железнодорожных мастерских, казалось, не замечал Эсенова. Он никогда не смотрел в его сторону, не делал ему никаких замечаний. Если тот ошибался, взводный подходил, молча показывал, что нужно делать, и Эсенов повторял прием. Этим ограничивались их отношения.

Два брата Оразовы, лихие конники бывшей «дикой» дивизии, брошенные в семнадцатом году Корниловым на красный Питер и распропагандированные в пути, относились к новенькому немного свысока. За их спиной было три года германского фронта, пять фронтов гражданской войны. Они по справедливости считали, что ничего в своей жизни не видавший чабан из пустыни должен ловить каждое их слово. Но Эсенов выказывал к обоим презрительное равнодушие, и они сами скоро перестали обращать на него внимание.

Правда, на пятый день пребывания в отряде, после каких-то шутливых слов одного из братьев, новичок вдруг побелел от гнева, потряс карабином и злобно выкрикнул что-то. Произошло это на плацу за полустанком. Оба брата сразу же подобрали поводья и отъехали от него.

— Что там случилось у вас? — спросил комиссар.

Младший брат посмотрел на старшего. Тот покачал головой.

— Что он кричал? — строго повторил комиссар.

Старший Оразов долго смотрел в землю.

— Не любит он всех в отряде... И нас еще больше не любит...— ответил он наконец.

Сколько ни допытывался комиссар, о чем кричал новичок, братья только вздыхали и молчали.

И лишь четвертый туркмен, разбитной красноводский грузчик йомуд [1] Мамедов, сразу же резко враждебно отнесся к новичку. Он и не скрывал своих чувств. Уже на второй день явился он к комиссару и заявил, что если они с командиром хотят гибели отряда, то пусть держат змею под халатом.

— Он басмач, враг! — кричал Мамедов.— В этих местах все люди такие. Им старую уздечку нельзя доверить. Из них один только и есть хороший человек — Рахимов.

Когда Мамедов видел Эсенова на плацу, он дрожал от ярости, готов был броситься на новичка, и только авторитет командира и комиссара удерживал его.

Комиссар решил поговорить с Рахимовым.

— Правильно говорят о нем! — подтвердил взводный.— Не любит он нас, ненавидит...

— Так что же делать? — спросил комиссар.

— Ничего не делать... Пусть живет, служит...

Рахимов явно уклонялся от разговора на эту тему.

---

[1] Йомуды — одно из туркменских племен,

Неожиданную поддержку получил новичок со стороны командира Пельтиня. Суровый латыш, послушав разговоры о подозрительном поведении нового бойца, вдруг коротко бросил:

— Прекратить!

Бойцы удивленно переглянулись. Командир Пельтинь мог произнести одно слово за целую неделю. А с такими словами считаются.

Потянулись однообразные дни учебы. На рассвете — побудка. До обеда — занятия на плацу. После обеда — стрельбы и полнтчас.

Ездил и стрелял новичок хорошо. Уже на втором занятии он точно выполнял все сложные кавалерийские команды. Как-то на плацу к Телешову подъехал его старый приятель по Сормову, взводный Димакин. Они несколько минут наблюдали, как Чары Эсенов в очередь рубит лозу.

— Уж больно у него выправка гвардейская...— сказал как бы невзначай Димакин.

Телешов нахмурился — он как раз подумал об этом.

— Я в семнадцатом в Питере одного котика зацепил,— продолжал, между тем, Димакин.— Сверху армячишко. Бороденка, лапти, все как полагается: мужичок с рынка. Только гнуться никак не может, прям уж очень. И смотрю: лапоть-то лапоть, а ногу не сгибает и на всю ступню ставит. Я сам когда-то в лейб-гвардии был... Вот я спереди зашел, вытянулся перед ним и — парадным. Он от неожиданности — раз руку к голове: позабыл, что без погончиков...

Телешов угрюмо слушал. Отъезжая, они с

Димакиным перехватили полный ненависти взгляд, каким смотрел на новичка Мамедов. Заметив, что за ним наблюдают, Мамедов выругался и, огрев коня камчой, ускакал с плаца.

Особый отряд был интернациональным. Основу его составляли сормовичи. Кроме них, в отряде были мадьяры, чехи, татары, два австрийца и один китаец. Людям рабочим, им не нужно было особенно хорошо знать русский язык, чтобы понять то, что говорил комиссар на политзанятиях.

Чары Эсенов на политзанятиях сидел неподвижно, глядя в одну точку, иногда закрывал глаза, будто засыпал. Но комиссар угадывал, что он не спит.

— Ты бы переводил ему понемногу, поговорил бы с ним...— предложил комиссар Рахимову.

— Не надо,— ответил тот и поспешно добавил: — Ему не это нужно. Он не хочет слушать...

Комиссар старался разгадать новичка, понять странные отношения, установившиеся между ним и Рахимовым, братьями Оразовыми, Мамедовым, но не мог. Среди русских все было как-то проще.

Не прошло и полумесяца, как в одну из темных ночей была вырезана охрана соседней небольшой станции. Просидевший всю ночь в сухом заброшенном арыке стрелочник рассказал, что среди басмачей он видел двух русских белогвардейцев и Шамурад-хана.

Когда командиру докладывали об этом, Ди-

макин тронул комиссара за рукав и показал глазами на Эсенова. Неизвестно откуда взявшийся в эту минуту, он настороженно стоял у стены полустанка. Заметив взгляд комиссара, Эсенов спокойно повернулся и пошел к конюшням.

— Провалиться мне, если этот парень не понимает по-русски,— сказал Димакин.

Вскоре отряд на рысях шел вдоль линии. Через четыре часа подошли к разбитой станции. Мрачно чернели остовы обгоревших домов. Возле полотна лежали рядышком прикрытые брезентом трупы. Бойцы помрачнели, а новичок равнодушно проехал мимо... Отсюда свернули налево, в пустыню. Вчера только прошел дождь, и следы сотни басмаческих коней оставили четкие отпечатки на серой глине такыра.

До вечера прошли километров тридцать. Привал сделали у самой границы песков.

Костры не зажигали. Молча жевали сухари и курили, прикрывая огоньки полами шинелей. Спали на холодном песке. Кожанки и шинели не могли укрыть от осеннего сырого ветра, и бойцы жались друг к другу.

Комиссару снова не спалось. Он лежал на спине и смотрел в звездное, освободившееся на ночь от туманов небо. И то ли снится комиссару, то ли нет, но он ясно видит свою комнату в Канавине, где он жил, бежав из омской пересыльной тюрьмы. В комнате собрались Димакин, Телешов и другие, называвшие его «товарищ Григорий». Распахнулась вдруг дверь, ветром задуло лампу, а Телешов, почему-то уже в кожанке, с маузером на боку, осторожно трясет его за плечо...

— Вставай, Григорий, дело есть!
Комиссар сразу встал на ноги.
— Что случилось?!

— Новенький исчез...— вполголоса сообщил Телешов.

Разбудили командира, обошли часовых. Никто из них не видел Чары Эсенова. Конь его стоял среди других со спутанными ногами.

— Что ж, утром разберемся...— сказал комиссар. На всякий случай усилили охрану и легли спать. Уже под утро, перед самым рассветом, Телешов снова разбудил комиссара и сообщил, что новичок вернулся. Сделали вид, что никто ничего не заметил, и на заре Эсенов занял свое место в строю.

В тот же день произошла первая стычка с басмачами. Засада Шамурад-хана неожиданно обстреляла разведку отряда. На следующий день завязался настоящий бой. Засев за дувалами, возле одного из колодцев, басмачи открыли частый ружейный и пулеметный огонь по наступающему отряду. Кавалеристы спешились. Появились первые раненые.

Задача была ясна. Нужно было охватить противника с флангов, замкнуть кольцо и постараться никого из него не выпустить. Но Шамурад-хан поставил на флангах два пулемета. Кроме того, он выслал по обе стороны в пески мелкие, по три — четыре человека, группы, которые тревожили наступающих и сообщали о малейшем их передвижении. Шамурад-хану во что бы то ни стало нужно было задержать особый отряд, пока не будут угнаны к дальним колодцам, в пустыню, захваченные им стада. Именно там решил создать

он основную базу для беспощадной, жестокой войны с новой властью.

В самый разгар боя Димакин, лежавший в цепи рядом с комиссаром, указал ему на новичка. Тот неотрывно глядел в сторону неприятеля. Вдруг он начал проявлять беспокойство: то поднимал, то опускал голову, потом встал во весь рост, снова лег и, ухватившись за бинокль Телешова, потянул его к себе. Телешов отдал ему бинокль, и Эсенов стал разглядывать ближайший бархан, который со стороны басмачей господствовал над местностью. И комиссар начал наблюдать за барханом. Он увидел, что там тоже мелькнул зайчик бинокля и на мгновение приподнялась голова в белом тельпеке. Еще кто-то в цепи, видимо, заметил это, потому что в ту же минуту над вершиной бархана взвилось несколько струек песка от ударивших туда пуль.

Медленно, но упорно продвигались вперед особисты, оставляя в песке длинные взрытые полосы. Песок лез в глаза, рот, уши, набивался в карманы и сапоги. Часа через два Шамурад-хан понял, что колодец ему до вечера не удержать. Оставив небольшой заслон, он начал быстро уходить к северу, в глубь песков. Басмаческий заслон был немедленно сбит, и к вечеру отряд начал догонять банду. Ночью, при проверке боеприпасов, выяснилось, что Эсенов в этот день не сделал ни одного выстрела...

Весь следующий день продолжалась погоня. Кони еле вытаскивали ноги из сыпучего уплывающего песка. Если бы не прошедший накануне дождь, то двигаться здесь вообще было бы невозможно.

Басмачи явно нервничали. Они бросались то вправо, то влево, стремясь отвлечь отряд от огромной овечьей отары, которую они угоняли в пески. Но следы овец замести было невозможно.

Наутро третьего дня услышали далекую стрельбу. Она продолжалась часа полтора. Подъехав к небольшому такыру, бойцы остановились, пораженные страшным, невиданным зрелищем. Трупы многих тысяч овец устилали поле чуть ли не до самого горизонта. Кое-где слышались еще предсмертные овечьи хрипы. То один, то другой жирный курдючный баран начинал вдруг биться на земле в предсмертной агонии. Видя, что овец не угнать, басмачи уничтожили всю отару. Вместе с овцами они перестреляли чабанов. Люди лежали среди овец лицом вниз. По окровавленному полю бегали озверевшие лохматые овчарки с обрубленными ушами...

Дальше следы басмачей дробились. Разделившись на мелкие отряды, они разъехались в разные стороны, чтобы через несколько дней вновь собраться на каком-нибудь из дальних колодцев. Операция снова не удалась. Шамурад-хан накапливал силы и не рисковал вступать в открытый бой...

Еще один раз пропадал ночью Чары Эсенов. Случилось это на обратном пути, во время ночевки у заброшенного колодца. Так же как и в прошлый раз, он ушел, когда все легли спать. Часовые его не видели. Не видели они и того, как ушел вслед за ним Мамедов. Часа через два новичок вернулся. А Мамедов

пришел только на рассвете, обозленный до крайности.

Утром Димакин решил переговорить с комиссаром.

— Бойцы недовольны, Григорий. Больно уж носимся мы с этим!..— хмуро сказал он, кивнув в сторону Чары Эсенова.

Комиссар долго смотрел на новичка.

— Не то слово выбрал, Димакин,— сказал он наконец.— Здесь тебе не Сормово, где все уже давно ясно...

— Восточную политику ведешь! — усмехнулся Димакин.

— Что ж, политику... Это ты более подходящее слово нашел,— серьезно ответил комиссар.

На этот раз передышка была еще короче. Уже через два дня после возвращения отряда на базу пришло сообщение о нападении басмачей на крупный аул в предгорьях. На следующий день был обстрелян красноармейский обоз. А еще через два дня басмачи крупными силами напали на соседнюю станцию.

Предупрежденные о приближении Шамурад-хана, путейцы и бойцы железнодорожной охраны укрылись за насыпью и целый день отстреливались от басмачей. К вечеру «кукушка» подвезла два вагона особистов, и банда снова рассыпалась по пескам.

Ясно было, что Шамурад-хан затевает большую операцию. В предгорных аулах появились его агитаторы, которые призывали к священной войне против русских. Когда один старик спросил, почему же в отряде Шамурад-

хана есть русские казаки, ему прострелили голову.

На совете командиров и партийцев отряда решено было отойти к аулу, который разграбил Шамурад-хан, и вести оттуда разведку.

Половина кибиток в ауле была сожжена. Шамурад-хан приказал мобилизовать здесь для пополнения своих сил сотню джигитов. Но большинство юношей из аула, узнав об этом, ушло в горы. Тогда басмачи сожгли их жилища и перебили всех родственников.

Отряд расположился в старых байских конюшнях на окраине аула. Оставшиеся в живых жители испуганно шарахались в сторону, когда кто-нибудь из бойцов отряда заговаривал с ними. Шамурад-хан предупредил, что головы полетят с плеч за разговоры с красными. Мрачными ходили по аулу Рахимов, братья Оразовы, Мамедов. А новичок спокойно смотрел на трупы и обожженные камни. Лицо его по-прежнему было бесстрастным.

Нетрудно было заметить, что Чары Эсенова в ауле знают. Жители смотрели на него не то со страхом, не то с тайным почтением.

Под вечер следующего дня, во время чистки коней, к Телешову подлетел Мамедов и зашептал что-то на ухо, указывая камчой в сторону гор.

— Ты не ошибся? — спросил Телешов.

— Не ошибся,— загорячился Мамедов.— Он с обеда собирался... Карабин проверял. Подпруги затягивал. Я давно за ним смотрю!..

По приказанию комиссара Димакин, Телешов и Мамедов выехали из аула и поскакали к горам. Когда поднялись на первый пригорок, Мамедов показал вперед. В наступив-

ших сумерках ясно был виден всадник, двигавшийся спокойной рысью вдоль ущелья. Подтянули поводья и поскакали вслед за ним. Когда стали нагонять его, Димакин придержал коня и сделал предупредительный знак рукой. Поехали тоже рысью, держась в полукилометре от Чары Эсенова. Луна вставала за их спиной, и он был виден как на ладони.

Так двигались часа полтора. Вдруг на одном из пригорков всадник остановился. Замерли и особисты. Было тихо. Слышался лишь далекий шакалий плач. Чары Эсенов в остроконечной буденовке отчетливо выделялся на пригорке.

Вдали послышался мерный стук копыт. Приближался еще один всадник. Он так близко проехал мимо застывших у подножия скалы особистов, что они ясно видели его лицо под космами белого как снег тельпека. Шагах в тридцати от них он сбросил с плеч чопан[1], вытянулся на стременах и тихо свистнул. Чары Эсенов съехал с пригорка и приблизился к нему. Они, не слезая с коней, стали о чем-то говорить.

Когда Чары Эсенов кончил разговор с неизвестным всадником и они начали разъезжаться, Мамедов огрел камчой коня, гикнул и вылетел из засады. В ту же секунду грохнул выстрел. Всадник в белом тельпеке стегнул коня, и тот, распластавшись, как громадная птица, понес его в степь.

— Стой! — взвизгнул Мамедов и стал посылать вслед беглецу одну за другой пули из карабина. Под тем был, видно, добрый конь.

[1] Чопан — туркменская бурка.

Наперерез ему вынеслись Димакин с Телешовым, но он легко проскочил мимо них. Через пять минут уже стало ясно, что погоня бесполезна. Неизвестный всадник растаял в ночной пустыне.

Бросились назад искать Чары Эсенова. Объездили все ближайшие холмы, прочесали долинку между ними и, лишь когда начал сереть восток, оставили поиски.

В аул вернулись, когда солнце уже поднималось над горизонтом. Отряд строился повзводно возле конюшен. На левом фланге первого взвода спокойно стоял Чары Эсенов. Конь под ним был, как всегда, вычищен, амуниция в полном порядке... Мамедов, Димакин и Телешов, ни слова не говоря, разъехались по своим местам.

Доложили обо всем комиссару и командиру. Пельтинь лишь хмурил брови. Савицкий задумчиво барабанил пальцами по футляру бинокля.

— Разменять надо... Басмач!..— настаивал Мамедов. Димакин склонялся к тому же мнению. Но комиссар покачал головой. Телешову с Мамедовым приказано было не спускать глаз с новичка. Особенно во время боя.

— А разменять в случае чего всегда успеем,— коротко закончил комиссар.

Мамедов даже плюнул с досады.

Уже к обеду Чары Эсенов, или человек, назвавшийся этим именем, стал проявлять беспокойство. Может, раньше этого и не заметили бы, но сейчас бойцы неусыпно наблюдали за ним.

С утра возле сухого арыка шли политзаня-

тия. Новчок сидел, как всегда, с устремленными в одну точку глазами. Когда солнце встало над головой, он поднялся и, никого не спрашивая, пошел к конюшням. Пройдя за ним, Телешов увидел, что он седлает коня.

После занятий Чары Эсенов не пошел к полевой кухне, где бойцам раздавали обед. Он все время стоял поблизости от командира, время от времени посматривая на восток. Казалось, он чего-то напряженно ждет. Когда, пообедав, бойцы разошлись — кто постирать портянки, кто написать письмо родным,— новчок еще больше заволновался. Раза два он подходил к комиссару и, потоптавшись на месте, уходил...

В полдень прискакал связной и доложил, что басмачи сделали налет еще на одну станцию и взорвали мост через широкий арык, перерезав железнодорожное сообщение. На станции разграблены два эшелона. То, что басмачи не успели унести с собой, они сожгли. Произошло это на рассвете. Сейчас с востока, в обхват Шамурад-хана, двинулся другой особый отряд. Басмачей нужно было взять в клещи.

Едва завидев связного, Чары Эсенов побежал в конюшню. Еще не было дано сигнала тревоги, а он уже сидел в седле в полном походном снаряжении. Теперь уже и Телешов не сомневался, что дело здесь нечисто. Новичок явно знал о готовящемся нападении басмачей...

На этот раз Шамурад-хану не повезло. Попытавшись уйти с награбленным в восточном направлении, он натолкнулся на отряд, авангард которого уже обходил басмачей с севера,

отрезая им отступление в пустыню. Пельтинь двигался с запада. Два взвода под командой Димакина заняли горный проход на юге. Шамурад-хан заметался в кольце.

Банду неуклонно отжимали от гор к полотну железной дороги. Два дня шел жестокий бой у одного из полустанков. Около двухсот басмачей разбежались или сдались в плен. Главари с группой верных им людей бежали к холмам, где и были окружены.

Телешов с Мамедовым ни на шаг не отходили от Чары Эсенова. Как и в первом бою, он за все время не выпустил ни одной пули и опять раза два просил у Телешова бинокль.

Особую нервозность начал проявлять Чары Эсенов, когда стало ясно, что Шамурад-хану вряд ли удастся вырваться из окружения. Несмотря на частый огонь, который басмачи вели из засад на вершинах холмов, он то и дело вскакивал и напряженно всматривался вдаль. Он, казалось, был уверен, что пули басмачей его не тронут, и это еще больше укрепило подозрения Телешова.

Во время одной из перебежек Телешов вдруг потерял из виду новичка. Он начал беспокойно оглядываться и тут заметил Мамедова, который что-то кричал, показывая на левый фланг басмачей. Телешов взглянул туда и оцепенел от неожиданности. Прямо у подножия холмов он увидел человека в буденовке. Тот бежал к басмачам, размахивая карабином. Приложившись к биноклю, Телешов узнал Чары Эсенова. В этот момент Мамедов с колена выстрелил по бегущему. Но было уже поздно. Тот прыгнул в какой-то ров и исчез из виду...

Вскоре остатки банды были атакованы с двух сторон. Басмачи встали из-за камней и подняли вверх руки. Их оказалось шестьдесят человек. Пленные были тут же обезоружены и выстроены. Рахимов с двумя дайханами из разоренного аула прошел по рядам, заглядывая каждому в лицо. Шамурад-хана среди пленных не было. Не нашли особисты и нескольких его приспешников, в том числе двух русских и одного англичанина, которые, по совершенно точным сведениям, находились в банде.

— Где Шамурад-хан?..— Мамедов бросался от одного пленного басмача к другому. Он встречал равнодушно-тупые усталые взгляды. Лишь один из них, рябой детина со злыми глазами, коротко бросил:

— Нет Шамурад-хана, улетел!..— и насмешливо показал на небо.

Тогда вмешался Рахимов. Он приказал увести рябого и стал по одному опрашивать остальных. В отсутствие рябого пленные стали отвечать. Выяснилось, что Шамурад-хан приказал держаться до последнего, а сам с группой главарей ушел по высохшему руслу ручья, который от холмов прорезал долину. Рябой дал приказ усилить в этот момент огонь.

На вопросы о перебежчике в буденовке басмачи ничего определенного не сказали. Только один из них как будто видел, что тот тоже пошел вниз по ручью с Шамурад-ханом...

Группой, которая отправилась в погоню, командовал сам комиссар. Уже через двадцать шагов на дне оврага заметили следы подков нескольких лошадей. Проехав оврагом около двух километров, у выхода из него наткнулись на двух красноармейцев соседнего отряда. Один из них был мертв, другой оглушен. Оглушенный уже приходил в себя и, когда Телешов вылил ему баклажку воды на голову, совсем очнулся.

Он рассказал, что его с товарищем оставили здесь для наблюдения за местностью. Они слезли с коней и спокойно следили за боем на холмах. Вдруг из оврага выехали несколько всадников в тельпеках и начали стрелять по ним. Товарища в перестрелке убили, а он успел поймать коня и только хотел вскочить в седло, как кто-то дернул у него повод. Обернувшись, он увидел чернявого парня в буденовке, но повода не отдал. Тогда тот огрел его прикладом по голове, и он потерял сознание...

Следы еще некоторое время вели к северу, потом начали забирать к западу и наконец повернули в юго-западном направлении. Шамурад-хан явно хотел укрыться в горах. Басмачи, видно, очень торопились. Взрытые следы копыт говорили о том, что коней гнали галопом. Через полчаса прямо на пути заметили валяющийся бинокль. Видно, кто-то из басмачей уронил его, но так спешил, что не остановился поднять...

Еще через час увидели труп басмача в тельпеке и халате. Он был убит выстрелом в лицо. Рядом лежал его винчестер. Шагов через триста наткнулись на другой труп. Под буркой на нем виднелся офицерский мундир.

Уже в предгорьях обнаружили сразу два трупа. Басмачи лежали недалеко друг от друга, оба простреленные в грудь навылет. В одном из них узнали англичанина, которого давно уже искали особисты.

Пятый труп нашли возле ущелья. В груди его торчала рукоятка прямого туркменского ножа. Мамедов соскочил с коня, вырвал нож и с явным удивлением принялся рассматривать рукоятку. Потом он обтер нож полой халата убитого и спрятал его в карман... В убитом опознали ближайшего помощника Шамурад-хана.

Дальше следы пошли вдоль цепи гор. Показались развалины аула и старая полуразрушенная крепость на кургане. Следы вели прямо туда...

Въехав в источенные временем ворота, увидели еще двух убитых. Один, в красном халате, лежал лицом вниз. Другой — это был Чары Эсенов — лежал на спине, с двумя пулевыми отверстиями в боку и в груди. По краям раны на груди опалилась гимнастерка; выстрел был сделан в упор. Глаза были заклеены зеленой от наса[1] слюной.

Все спешились и стояли вокруг убитых. Молчание нарушил Мамедов. Он вынул из кармана найденный нож и положил возле Чары Эсенова.

— Это его нож...— тихо сказал Мамедов и отошел в сторону.

[1] Нас — истертый в порошок зеленый жевательный табак.

Телешов вдруг нагнулся, встал на колени и приложил ухо к груди Эсенова.

— А ведь он, братцы, еще дышит!..— дрогнувшим голосом сказал он.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Буйная зелень раньше всего пробивается между камнями Карры-кала[1]. Еще жмутся к Копет-Дагу гонимые с севера орды угрюмых туч, а уже нет-нет да прорвется между ними яркий столб солнечного света. И склоны старой крепости покрываются кудрявым зеленым каракулем.

А еще через несколько дней, когда отгремят последние ливни, вся пустыня, насколько хватает глаз с высокой крепостной стены, превращается в бескрайнее зеленое море. Оно шумит и волнуется. Кто назовет сейчас эту степь пустыней, а тем более Черными Песками?!

В одно голубое утро цвет степи меняется, как в сказке. Она становится багряной, кроваво-красной. И старая бабушка Аннагуль, кряхтя и охая, взбирается на крепостной вал и долго глядит вдаль неподвижным зорким взглядом. Отсюда кажется, что какой-то сказочный Див вылил в пустыню живую горящую кровь, плеснул ею на скаты кургана, облил горные склоны.

Каждую весну приходит сюда Аннагуль в день цветения маков и тюльпанов. Потом, когда солнце выжигает степь, превращает ее в пустыню, Аннагуль сидит за ковровой рамой вместе с внучкой Бибитач. А когда пустыня

---

[1] Карры-кала — старая крепость.

становится белой от мягкого мокрого снега, приезжает торговец Ибрагим.

Ибрагим — свой человек. Он, слава аллаху, дает за ковер шерсть, краски и списывает с семьи часть старого долга в сто двадцать рублей, которые взяли они в год удачной покупки жены для ее сына Эсена. Не один торговец Ибрагим был хорошим человеком. Первый защитник рода людей, живущих у Каррыкала,— всеми уважаемый и почтенный Ильяс-хан. Он богатый, очень богатый и значительный человек. Не раз приезжал к нему в гости пристав. Два раза он принимал у себя самого начальника области, когда тот с группой офицеров объезжал границу. Для русских гостей в его желтом каменном доме отведены отдельные комнаты с кроватями, диванами и столами. Сам же он простой, хороший человек и, не в пример многим другим богатым людям, принимает с почетом каждого, кто приходит к нему в дом.

Рвутся на толстой цепи звероподобные собаки. Сам Ильяс-хан выходит унять их и сердечно здоровается с Эсеном. После установленных приветствий он приглашает его в дом, и тот, снимая чарыки, заходит. Снимает свои маленькие галоши и Чары.

— Большой у тебя джигит! — хвалит его Ильяс-хан. Эсен, рослый, широкоплечий мужчина, смущенно улыбается. Он очень любит своего младшего сына. Старший, Берды, уже вырос и сам скоро станет хозяином. Кстати, о нем-то и пришел говорить Эсен.

Но начинать деловой разговор рано. Они сидят и беседуют о самых различных вещах: о последних скачках на празднике, о новом

ишане, что приехал вместо умершего, о том, что падают нравы и находятся уже люди, которые забывают старые обычаи.

— Все это с тех пор, как пришли русские! — вздыхает Ильяс-хан. Он не любит русских, но говорит, что нужно уметь с ними ладить. Поэтому и отправил он своего младшего сына Шамурада в Петербург, где он учится на офицера вместе с сыном самого начальника области. Шамурад ему рассказывал, что два раза видел самого царя...

Входит Мухамед, старший сын Ильяс-хана. Говорят, он пьет водку и гуляет в городе с русскими женщинами.

Не в отца пошел Мухамед-хан. Он едва поздоровался с гостем и, даже не взглянув на него, сел в углу прямо на подушку. Лицо у него зеленое. Ночью его привезли со станции еле живого от Белого Мамеда, как называют в ауле русскую водку.

Не любит Мухамед-хан кулов. Он считает, что иг[1] не должен даже рядом сажать возле себя полукровок. Их всего пять семей в ауле — чистых игов, и они быстро потеряют авторитет, если будут якшаться с кулами. Так, пожалуй, дойдет до того, что какой-нибудь кул захочет взять в жены девушку из семьи игов, как случилось в соседнем ауле. Но там быстро осадили наглеца. Воспитанные кулы сами знают свое место в жизни. Тем более должны знать его иги.

[1] Иги — потомки завоевателей, некогда пришедших из северных степей и покоривших оседлое земледельческое население оазисов в Кара-Кумах. Кулы — потомки древнего населения этих оазисов, смешавшиеся с победителями.

Ильяс-хан не спорит с этим. Но он мудр и считает, что лаской и хорошим обращением всегда большего добьешься, чем криком и угрозами. Вот, например, Эсен. Он знает и понимает, что Ильяс-хан неизмеримо выше его не только потому, что богаче, но и потому, что Ильяс-хан — иг. И любое слово Ильяс-хана — закон, которого Эсен никогда не переступит. А хорошим обращением только укрепишь это уважение.

Сначала пьют геок-чай. Потом Курт, счетовод Ильяс-хана, вносит в большой глиняной миске шурпу[1]. По указанию хозяина он специально для маленького Чары приносит желтовато-коричневый топленый сахар. Хозяин с гостем выкладывают на лепешки куски мяса и начинают есть шурпу деревянными ложками. Мухамед-хан не ест.

Снова пьют чай. То, что осталось в миске, передается для женщин, на их половину. Не потому, что у Ильяс-хана мало шурпы,— так требует старый закон.

Теперь можно поговорить и о деле. Эсен начинает издалека. Он говорит о своей семье. Не дал аллах ему возможности иметь двух или трех жен, а дал одну. Но он доволен ею. Она родила ему двух сыновей и лишь одну дочку. Два сына — это не так много для мусульманина, но и на том спасибо. Каждый корень пускает побеги. Даже колючка в пустыне — и та разбрасывает семена.

Долго говорит Эсен. Терпеливо слушает его Ильяс-хан. Он знает, зачем тот пришел к нему. Недаром каждое утро услужливый Курт до-

[1] Шурпа — бульон из баранины.

кладывает ему не только о его делах, но и о делах каждого жителя аула.

Все законы вежливости соблюдены. Можно переходить к самой сути. И Эсен говорит о том, что пора ему женить старшего сына — Берды. Не говоря уже о том, что ему минуло двадцать лет, их семья нуждается в воде. Достойный Ильяс-хан ведь знает: норма воды стала в два раза меньше, чем в старые годы. Ее едва хватает на огород и десяток лоз винограда. О пшенице и говорить не приходится: нужно покупать. А семья у Эсена немалая. Более зажиточные люди в ауле женили своих сыновей сразу после их рождения и тут же стали получать на них «никах-су» — норму воды на женатого человека. Но у него после рождения сыновей не было денег на покупку для них жен. Если вода вздорожала вдвое, то и жена, приносившая с собой в семью лишнюю долю воды, также вздорожала вдвое...

Но сейчас уже деваться некуда. Он, Эсен, не бедняк. У него есть собранные им и старой Аннагуль сто двадцать рублей, есть десяток баранов. Если достать еще рублей сто пятьдесят, можно купить неплохую девушку. Шахскую дочь на эти деньги, конечно, не купишь, но им ее и не надо.

Ильяс-хан прекрасно знает, в каком ауле и у кого собирается приобрести жену для сына простодушный Эсен, но он молчит и сосредоточенно о чем-то думает. Эсен — воспитанный человек. Он ждет ответа с видимым равнодушием.

Ильяс-хан наконец берется рукой за бороду.

— Вот какой ответ я дам тебе, Эсен. Другому, может быть, и не дал бы я денег. Но те-

бя я знаю и уважаю. Ты человек достойный доверия. Можешь взять эти деньги, и да поможет тебе аллах в твоих начинаниях.

Ильяс-хан делает знак рукой Курту, и тот приносит из другой комнаты сто пятьдесят рублей. Пока он ходит за ними, все молчат. Хозяин берет деньги у Курта и передает их Эсену. Тот с почтением принимает двумя руками зеленоватые бумажки, завязывает их в платок и кладет за пазуху праздничиого халата.

— А условия мои нетрудные, — продолжает Ильяс-хан. — Эти деньги будут платой за ту долю воды, что получишь ты на жену своего сына. Считай, что ты продал мне эту воду.

— Но ведь по адату нельзя человеку продавать отпущенную ему воду, — говорит смущенно Эсен, но тут же спохватывается и опускает голову. Ему становится мучительно стыдно. Он просто забыл, что в последние пять лет Ильяс-хан скупил половину воды у жителей аула. Не подумав, ои невольио обидел хозяина в его собственном доме.

Ильяс-хан читает мысли гостя. Он ободряюще треплет Эсена по плечу.

— Этот старый закои до сих пор неправильно толковали, — говорит он ласково.

Эсеи задумывается. Что же они будут делать в увеличенной семье без той доли воды, иа которую они так рассчитывали. Но Ильяс-хан успокаивает его.

— Я дам тебе свою землю и воду в пользование, — говорит он. — А ты будешь сеять, что я скажу, и половина полученного тобой будет моя. Лет за пять подработаешь деньги и ку-

пишь лишнюю долю воды. И аллах не все создавал сразу...

Ильяс-хан долгим оценивающим взглядом смотрит на мальчика, прижавшегося в углу.

— Сколько ему лет?

— Десять, яшули [1], — отвечает отец.

— Что ж, пусть пойдет помогать моим чабанам, и каждый год в моем стаде будет прибавляться по три твоих овцы. А там и его, молодца, женим...

Небо белое-белое, а песок такой горячий, что даже собаки не рискуют на него ложиться. У собак квадратные морды, обрубленные уши и хвост и такая густая шерсть, что самому зубастому волку не добраться до шкуры. Волки и не пытаются этого делать. Волчья голова вся без остатка спрячется в страшной пасти чабанской овчарки. Редкий барс отважится выйти против нее один на один.

Собакам не нужно подниматься на бархан, чтобы увидеть чужого. Они и без того узнают о его приближении за много верст. Пустыня вокруг пахнет лишь высохшей до звона колючкой и овечьим пометом. Любой посторонний запах заставляет собак глухо ворчать.

Огромная отара рассыпалась по пустыне. Кажется, что могут найти здесь овцы, среди раскаленной пыли и безжизненных, мертвых колючек? Но к осени они нагуливают такие курдюки, что им трудно двигаться.

На песчаном пригорке воткнута в землю длинная палка. На ней висит старая кошма.

---

[1] Яшули — обращение к старику и уважаемому человеку.

В тени ее на другой кошме сидит старый Аллаяр и пьет чай. На нем толстый стеганый халат и густой тельпек, которые спасают тело от жгучего воздуха пустыни. Когда-то и он бегал в одних штанах, не боясь солнца, как делает это Чары. И у него было ловкое загорелое тело. Таким же мальчиком купил и отправил его в пустыню дед Ильяс-хана, и с тех пор он не покидает ее... Годам к сорока отец Ильяс-хана купил ему жену: одноглазую, рябую и злую, как дух тьмы. Но, видно, продешевил хозяин. Через два года она умерла. Аллаяр прожил еще сорок лет, но больше никогда уже не просил хана о новой жене.

Мальчик подбегает к старику и просит разрешить ему съездить на коне в соседнюю отару... Быстрее ветра летит тонконогий ахальский конь. А Чары видит себя то Кеймир-Кёром[1], то грозным, непобедимым сердаром разбойников из старых сказок.

Ох, эти сказки!.. Каждый вечер, когда большой красный шар солнца касается земли, высокие темные столбы встают над пустыней. Издали кажется, что невиданные пожары охватили весь горизонт. Но это не дым. Это высоко в небе стоит в неподвижном воздухе черная каракумская пыль, поднятая многими тысячами острых овечьих копыт. Неистово блея, валит к воде овечья стена. В двух шагах ничего не видно. Горло, нос, уши забиваются сухими непробиваемыми пробками.

А вот и колодец. Глубину его легче всего

[1] Кеймир-Кёр — герой туркменских народных сказаний.

измерить по узкой верблюжьей тропе. С восхода до заката ходит по ней впряженный в веревку тощий, облезлый верблюд. Никто не смотрит за ним, никто не направляет. Вот он идет от круглой дыры в песке: двадцать шагов... тридцать... сто... сто пятьдесят, пока не показывается из колодца пузатый кожаный мешок. Булькая, течет прозрачная вода в деревянный желоб. Верблюд знает, сколько нужно на это времени. Вот он уже идет обратно. Тонкая веревочная змея локоть за локтем исчезает в колодезной яме. И так все время: туда и обратно, туда и обратно...

Сухой воздух пустыни свободно пропускает звездный свет. Поэтому небо здесь кажется темнее, а звезды ярче и ближе. И до глубокой ночи с другими чабанами слушает мальчик сказки старого Аллаяра о злых падишахах, бедных влюбленных, горячих сердцах и мудрых хитростях вечно юного бедняка поэта...

Зимой холодный мокрый ветер гонит по пустыне низкие туманы. Они насквозь пронизывают старый чопан, обнимают посиневшие голые ноги в размокших от грязи чарыках. И негде укрыться от беспощадного порывистого ветра, проникающего, кажется, в самое сердце...

Пять лет пасет уже Чары хозяйских овец. Он вытянулся, стал почти взрослым. Исчез из глаз живой, веселый огонек. Черные Пески с детских лет приучают быть молчаливым и замкнутым.

А дома плохо. Вчера только приехал с колодцев Чары и не узнал родной кибитки. Три

года подряд был неурожай. Хозяин в последнее время заставлял своих арендаторов сеять один лишь хлопок, а его почти начисто выедала тля. Потом пошел мор на овец.

Прошлой зимой, закончив последнюю стежку на громадном ковре, тихо скончалась старая Аннагуль. Денег теперь ждать неоткуда. Но хуже всего с водой. Все меньше становится су — норма воды на кибитку. С тех пор как пришли русские, кончились войны. Сеять стали больше, а воды не прибавилось. Из соседних аулов власти переселили уже часть людей в другие края...

Еще раз идет к Ильяс-хану Эсен, взяв с собой младшего сына. Все повторяется, как в прошлый раз. Таким же приветливым и добродушным остался хозяин. Он нисколько не переменился за эти годы. Все то же расположение светится в его глазах. Зато переменился Эсен. Плечи его теперь сильно согнуты, а борода поредела и побелела.

Снова идет долгий разговор о старых обычаях, о добрых временах, когда жить было легче. Снова едят шурпу. Только Чары замечает, что, когда отец берет мясо, руки его дрожат, а во взгляде светится голодная жадность.

Замечает это и хозяин. И, когда речь заходит о делах, он предлагает Эсену самый простой выход из положения. Пусть продаст ему, Ильяс-хану, право на свою последнюю долю воды. Хан не даст ему умереть с голоду. Всей семье Эсена найдется что делать в хозяйстве Ильяс-хана.

Опустив голову, долго думает об этом страшном предложении Эсен. Но хозяин лег-

ко развеивает его сомнения. Когда улучшится положение и у Эсена появятся деньги, он легко выкупит обратно свой су...

Последние слова отца слышит появившийся на пороге Мухамед-хан. Он раскатисто смеется и, не здороваясь, уходит обратно. Старший сын хана теперь всегда пьян...

Через неделю Чары снова в песках. Летом его опаляет горячий, как из тамдыра[1], ветер пустыни, и поднятая овцами пыль заслоняет от него свет. Зимой он дрожит от стужи и сырости. Но теперь ему легче переносить все это. У Чары появился друг — смелый и отзывчивый Таган, внук брата старого Аллаяра. Они похожи друг на друга, Таган и Чары, и им нельзя было не сдружиться. Оба пасут они тех же овец, оба едят одну лепешку, и оба слушают сказки старого чабана.

Для кого это сказки, а для них—вся жизнь, великолепная, огромная, сверкающая изумрудами халифских дворцов, пленительными улыбками шахских принцесс и эмирских наложниц. И они мечтают о том времени, когда подрастут и с шайкой верных друзей разбойников уйдут на быстрых, как ветер, конях в смелый аламанский[2] набег. И откроются перед ними халифские склады сокровищ, будут робко и застенчиво улыбаться им шахские дочери, а они, гордые, непобедимые, с нескончаемым караваном награбленного добра вернутся в родной аул. И все будут удивляться

[1] Тамдыр — печь.

[2] Аламаны — разбойники, нападавшне на соседей с целью грабежа н кражн женщин. Аламаном также назывался самый набег.

их силе и храбрости и будут с почтением кланяться им. Даже сам Ильяс-хан с сыновьями...

Не смог уже больше вернуть свою воду Эсен. Два года он кое-как еще перебивался. Но на третий год случилось непоправимое.

За неделю до этого коровы и овцы стали проявлять беспокойство. Собаки тоскливо выли, повернув к юго-востоку лохматые головы. Тревожно посматривали туда и люди. Самые невероятные слухи бродили по предгорным аулам.

Буря налетела неожиданно, среди бела дня. Могучее черное облако грозной тенью надвинулось на солнце. Стало темно и страшно. И в ту же минуту сотни тысяч тонн мягкой зеленой слизи обрушились на поля, сады и виноградники.

Эсен со старшим сыном, женой, невесткой, дочерью и внуками метались у хлопкового поля. Они жгли сухой бурьян, пускали в канавы воду. Но неумолимая, свирепая масса в пять минут засыпала все. Зашипели и погасли костры. Всепожирающая саранча навалилась на узкие зеленые полоски. На глазах оголялись ветви. От развесистых свежих кустов оставались лишь прутья, негодные даже на то, чтобы истопить тамдыр.

Но его и не нужно будет топить. Не к чему будет примешивать растущую в заброшенных арыках и вязнущую на зубах траву, которую вот уже два года мелко рубит и запекает в лепешки жена Эсена, верная и работящая Нургозель.

И на этот раз не оставил в беде, выручил Ильяс-хан. Он дал денег и муки. Но закон

есть закон. Недаром тысячи лет назад его устанавливали мудрые предки. Взявший в долг и не вернувший в срок обязан со всем своим родом бесплатно работать на того, кому он должен. Рабство длится до тех пор, пока сполна и с процентами не будет заплачен долг... Уже следующей весной вся семья Эсена сажала хлопок на хозяйском поле. И уже не половина, а весь урожай шел Ильяс-хану. Год был удачный, и они почти сполна расплатились за наросшие за зиму, весну и лето проценты.

Совсем не узнал сына Эсен, так переменился и возмужал Чары. Он стал крепким и стройным джигитом с красивыми серьезными глазами. И Чары, приехав из песков, не узнал отца. Согнутый, седой старик кряхтел, охал и все жаловался на боль в пояснице и в ногах, которые так много ходили по топкой грязи политого поля.

В семье оставалась единственная надежда. Пятнадцатый год уже живет на свете дочь Эсена — красавица Бибитач. Немалый калым можно получить за такую девушку, и это, как думает отец, может поправить дела. В соседних аулах знают о красоте Бибитач. Два раза уже приходили с предложениями к старому Эсену. Но он отговаривался, боялся продешевить. Да и не в каждую семью можно продать девушку из их рода!

Наконец он согласился. Жил в соседнем ауле дальний родственник Эсена, Овезкурбан, состоятельный и уважаемый человек. Он собирался женить своего единственного сына — Халлы. Несколько раз приезжал он на

белом ишаке к Эсену и вел переговоры, к которым допускалась и жена Эсена — Нургозель. В один из таких приездов позвали Бибитач и надели ей на шею кольцо из тонкой серебряной проволоки. Отныне она считалась обрученной, и если должна была кому-нибудь принадлежать, то только Халлы либо богу. Горе ей, если будет нарушен этот договор. Горе тому мужчине, что посмеет нарушить его!

Началось все с того, что шла Бибитач по тропинке с поля и несла на голове миску с зернами молодой джугары. Сзади послышался мерный лошадиный топот. Нельзя женщине идти по дороге впереди мужчины хотя бы на сто шагов. Девушка сбежала с тропинки и взяла в рот край платка.

Но всадник не проехал мимо. Он тоже свернул с дороги и наклонился к Бибитач. От него пахнуло перегаром. Лишь на миг подняв длинные ресницы, она увидела мутные, с кровяными прожилками глаза Мухамед-хана. Ничего не сказал ханский сын. Лишь тронул камчой коня и поехал дальше...

Недели через две праздновал Ильяс-хан приезд на побывку младшего сына. Ловкий и исполнительный, Шамурад-хан, несмотря на молодость, получил уже чин гвардейского поручика и состоял в личной охране дворца. По старой романовской традиции цари приближали к себе княжеских, эмирских и ханских сыновей.

Большой той устроил старый хан. Было чинно и тихо, пока не приехали со станции городские друзья Мухамед-хана: несколько молодых офицеров, господин пристав и трое

сыновей самого богатого в области купца. Ящик за ящиком вносились в комнаты. Пустые бутылки выбрасывались прямо в окна.

Вечером озверевший от водки Мухамед-хан заявил, что ему не хватает женщины и он должен немедленно ехать на станцию и в город.

— Неужели не завели себе здесь штучки?.. Не верю-с!.. Не верю-с!..— Толстый и самодовольный господин пристав погрозил пальцем Мухамед-хану. Тот вдруг вспомнил о чем-то и, шатаясь, пошел к выходу. За ним, по его знаку, вышел ханский счетовод Курт.

В ауле почти все уже спят. Только женщины кое-где заканчивают домашнюю возню. Не спит и Бибитач. Большой трехведерный кувшин с надбитым горлышком стоит в углу глиняной мазанки. За день накаляются горы и воздух. Тяжело становится дышать даже в густой тени. А кувшин в сыром углу сохраняет воду прохладной и чистой. Но наполнять его нужно с вечера. И, взяв другой кувшин, поменьше, идет Бибитач к потоку.

На самом краю аула живет семья Эсена. Шакалы порой дерутся за отбросы у самой кибитки. Мимо оставшихся еще у них шести лоз винограда идет за водой девушка в тень шелковицы, растущей возле потока.

Спокойно шелестят кусты. Бибитач наклоняется к воде. Тихим звоном отвечает кувшин на удар холодной струи. Все глуше становится этот звон, пока совсем не замирает. Ловким движением вытаскивает девушка полный кувшин. И в этот момент ее хватают

сильные руки. Она вскрикивает. Но большая рука с платком зажимает ей рот, нос, глаза. Ее бросают через седло, и она теряет сознание от удушья.

Просыпается она от предутреннего холода и видит вокруг темнеющие громады башен. Бибитач встает, придерживает на себе изорванное в клочья платье, выходит из старой крепости и медленно спускается к дому. Она не заходит ни в мазанку, ни в кибитку, а забивается в проход между кучей сухой колючки и стеной сарая. Там она дожидается первых лучей солнца. Ласково согревает оно остывшую за ночь землю, брызжет ослепительным светом на деревья, траву, овец, собак. Не всходит оно для одной лишь маленькой девочки Бибитач...

Отец, согнувшись, приходит в сарай. Суровый и замкнутый, берет он кетмень, лежащий возле колючки, но не видит ее. Он знает, что она здесь, та, что звалась его дочерью и даже носила женское имя. Но он уже знает и то, что произошло этой ночью. У него уже нет дочери. Нет ее и у Нургозель, как нет сестры у Чары и Берды. Законы Черных Песков неумолимы... Понимает это спрятавшая в коленях голову и закрывшая ее обеими руками Бибитач. Поэтому она ни на что не жалуется и только тихо, про себя, стонет...

В разговорах, которые пошли по аулу, был упомянут Сангсар даш — Камень проклятия. Виновата девушка или нет — неважно. Договор обручения нарушен — земля и небо должны отвернуться от нее.

Под вечер вышел из своего большого дома

Ильяс-хан. Медленной, степенной походкой идет он по аулу, вежливо здороваясь со встречными. Провожаемый любопытными женскими взглядами, тяжело поднимая ноги из пыли, направляется старый хан к жилищу своего должника и батрака Эсена.

Пригнувшись, входит он в кибитку. Хозяин молча указывает ему место на кошме. Потом Эсен выходит и что-то говорит старшему сыну. Через несколько минут бьется в предсмертных судорогах последний баран, оставшийся у семьи. Перед гостем ставят полную миску жареного мяса, ломают и кладут половинки только что испеченных лепешек. Хозяин съедает первый кусок и больше не ест. Гость съедает два — три куска и тоже отстраняется. Он пробует завязать разговор, но хозяин молчит. Ни слова не слышит от него Ильяс-хан, кроме приглашения есть. Озабоченный, но внешне спокойный, покидает хан кибитку Эсена...

А Бибитач уже не живет на этом свете. Только руки ее еще шарят каждую ночь в отбросах, чтобы продлить ток крови в теле до тех пор, пока совершит она предрешенное. Каждую ночь приходит к сарайчику высокий суровый старик с длинной белой бородой и направляет ее мысли. Он говорит страшные слова, и, сжавшись в комочек, слушает его девочка. Она готовит себя к необыкновенному дню.

И день этот наступает. С утра, когда все уходят в поле, она собирает у кибитки обрывки старых тряпок и ваты. Все это она навязывает на свое худое, грязное, посиневшее от хо-

лода тело. Дико спутаны ее черные волосы. Добела сжаты губы.

Еле хватает в тонеиьких руках сил подиять над головой большой жестяиой бидон. Противная желтая струя бьет ей в рот и уши, ослепляет и оглушает ее. Ничего, это недолго... Шатаясь, подходит она к горке высыпанных из тамдыра углей и тычет туда куском ваты...

Страшиый живой факел загорается над аулом. Ветер рвет и гоиит поверху клочья синего дыма. Дикий, заставляющий дрогиуть и камениое сердце вопль проносится иад полями, перелетает стены крепости, достигает гор, ударяется о них и катится иад пустыней. Факел бежит через поле, падает и догорает куском черного спекшегося мяса...

А на следующую ночь пропадает из дому старший сыи Эсена — Берды. Не ночует дома и Халлы, человек, кому предназначалась в жены Бибитач.

Еще через день привозят Ильяс-хану труп его старшего сына. Сердце его насквозь пробито длиииым туркменским ножом. Нашли Мухамед-хаиа недалеко от стаиции.

В эту же ночь исчезает из аула семья Эсена. На месте, где стояла его кибитка, валяются лишь старые тряпки и обрывки веревок. Неизвестно, где взял Эсен верблюда, но крупные верблюжьи следы ведут от покииутого дома в пески. По этим следам и бросился десяток всадииков во главе с поручиком Шамурад-ханом.

Чары торопит коия. Тревожное предчувствие стискивает грудь. Конь выносит его иа

бархан и вдруг оседает назад, беспокойно поводя ушами. Справа слышатся выстрелы и одинокий крик. Конь заржал и тронулся с бархана. Где-то рядом ему отвечает другой конь. Вот и сам он вылетает из-за бархана и галопом несется к такыру...

Но что это? На длинном ремне волочится за белым красавцем конем человеческое тело. Не думая, гонит вслед своего коня Чары. Он догоняет и с налету острым, как бритва, чабанским кинжалом перерезает ремень.

Человек связан по рукам и ногам. Чары разрезает кожаные путы и поворачивает труп на спину. Пустыми кровавыми глазницами смотрит в синее небо старый Эсен, его отец.

Минуту, час или день сидит Чары над мертвым отцом, он не знает. Кто-то трогает его за плечо. Вздрогнув, он медленно поворачивает голову и видит морду белого коня, вернувшегося к своей страшной ноше. На ухе белого косой серп. Такая же метка на ухе коня Чары. Ведь кони чабанов тоже из ханских табунов...

Чары молча укладывает труп отца на высокое степное седло и тихо идет рядом. Следы белого коня приводят к высохшему озеру. Ровным ослепительным блеском сверкает под солнцем соль. Прямо на белой ее пудре лежит убитый верблюд. Рядом валяются поломанные стойки кибитки, черепки разбитой посуды, старый почерневший казан. А вокруг лежит весь род Чары. Стянутый ремнями труп Берды, догола раздетая и окровавленная его жена, двое мальчиков с переломанными спинами и старая Нургозель с рассеченной надвое головой. Вы-

соко в небе парит над пустыней белоголовый когтистый гриф...

Сбылись мечты юности. В смелый аламанский набег идет джигит Чары. Полсотни крепких, выносливых коней поднимают пыль над пустыней...

Не помнит он, сколько дней и ночей провел на соленом озере. Ганлы — долг кровью до седьмого колена — будет платить ему род Ильяс-хана. Иначе Чары недостоин будет ходить по земле, дышать, смотреть на небо, называться мужчиной. Закон Черных Песков ждет от него, единственного живого представителя рода, получения кровавого долга от рода врага. Отныне не съест он спокойно куска хлеба, не выпьет спокойно глотка воды, пока собственной рукой не зарежет последнего представителя рода Ильяс-хана. А последний представитель этого рода — Шамурад-хан...

Большую облаву устроили на Чары родственники и приспешники Ильяс-хана. Все в ауле понимали, что, пока жив сын Эсена, не может спокойно ходить по земле ни один человек из ханского рода.

Два раза стреляли в Чары из засады, когда он прятался в горах. Один раз чуть не убили его на пороге кибитки старого друга их семьи. И Чары пришлось на время уйти из этих мест.

В соседних краях связался пастух Чары с бандой лихих аламанов. Далекий поход через пустыню на север задумали они. И вот, растянувшись длинной цепочкой, уже скачут через Черные Пески аламаны.

Скачут день, второй, третий... То как вихрь несутся они по такыру, вздымая к небу чер-

ную пыль, то усталые до смерти кони еле вытягивают ноги из плывущего песка. Уже кончилась вода в притороченных к седлам кожаных курджумах, уже видятся им за каждым барханом бескрайние водные глади.

В темную, беспросветную ночь доскакали до цели аламаны. Жарко пылают в ночи сухие кибитки. Стон, плач, дикие, истошные вопли. В щепки разбиваются раскрашенные плоские сундуки, вытряхиваются из них праздничные халаты, кетене и серебряные браслеты, бросаются поперек седел рыдающие женщины... А мужчинам нет пощады. Чем больше останется здесь трупов, тем меньше всадников уйдет в погоню за аламанами. И со свистом падают удары направо и налево.

Лежит с рассеченной головой полураздетый дайханин, рядом валяются два его мертвых сына. А там вдоль горящих кибиток несется всадник, волоча на аркане задушенного старика.

Нет, не такими представлял себе Чары смелых аламанов, когда слушал у колодца сказки старого Аллаяра! И, закрыв лицо руками, без дороги скачет он от пожаров, крови и проклятий прямо в ночную тьму. Скачет, сам не зная куда, лишь бы уйти поскорее от этой страшной ночи...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Веселый усатый хирург Демидко, в ярко-красных щегольских галифе, носил в боковом кармане гимнастерки две пули, вынутые из тела Эсенова. Пули у него хранились во всех карманах. Когда раненый выздоравливал и

выписывался, Демидко вручал ему на память маленький кусочек металла, выплавленный чаще всего на заводах Бирмингема.

Но особисту Эсенову еще ие скоро выписываться: пуля прошла на полпальца от сердца. Только сегодня он пришел в себя.

Сестра милосердия сидела, свесив побелевшие за зиму босые ноги с порога санитарной теплушки, и задумчиво глядела на мятежиое весеннее иебо. Вдруг она почувствовала на себе упорный взгляд. Только один раненый, самый тяжелый, остался у них с последнего басмаческого набега. Обернувшись, сестра увидела, что он смотрит на нее в упор серьезными иемигающими глазами. От неожиданности она растерялась, и они с минуту молча смотрели друг на друга.

— Ну, вот видишь!..— сказала оиа ему, как будто он о чем-то спорил с ней. Когда сестра подошла, раненый закрыл глаза.

Чары всей грудью вдохнул свежий весеиний воздух и сразу открыл глаза. Через прорезанные в стеиах, закрытые марлей окна лился ровный дневной свет. А в раздвинутую настежь дверь теплушки врывалось яркое солице и буйные запахи цветущей степи... Свет ослепил его. Он на миг зажмурил глаза, но, испугавшись, что снова вернутся мучившие его сиы, быстро открыл их. В два ряда стояли восемь крытых белым упругих кроватей с никелированными шарами, реквизированных в одном из веселых домов Ташкента. Прямо перед дверью стоял крепкий дубовый стол из конторы торгового дома братьев Чибисовых, на котором усатый Демидко делал свои опера-

ции. А в дверях спиной к нему сидела женщина. Волосы у нее были темно-русые. Солнце золотило их, а ветер трепал вместе с рукавом белого халата.

Вдруг она обернулась и быстро встала на ноги. Он еще не встречал в пустыне женщин, которые бы так прямо смотрели на него, да еще такими большими серыми глазами. Это поразило его, и он подумал было, что начался другой сон. Но она подошла к нему и что-то сказала очень звонким голосом. Тогда он закрыл глаза...

Потом приходил высокий усатый мужчина, которого он раз уже видел в штабе отряда, спрашивал его о здоровье, а он молчал и смотрел в потолок...

Раненый снова заснул, а когда проснулся, был теплый весенний вечер. В тупик, где стояла теплушка, долетали с полустанка слова кавалерийской команды. Задрожали пол и стены. Осветив на минуту ярким светом окна, прогромыхал тяжелый товарный поезд с побитыми, расшатанными вагонами. А раненый лежал, смотрел в темный потолок и вспоминал...

Много дней блуждал он по пустыне после аламана. Сначала пал под ним конь. Потом сам он едва не погиб от голода и жажды. Почерневший, обессиленный, лежал он под барханом, когда наткнулись на него кочевники казахи. Семейств пятнадцать их с верблюдами и кибитками заготовляли в песках саксаул и отвозили в город на продажу. Так, привязанным к связке саксаула, чтобы не упал он с верблюда, и привезли его на городской базар.

Чары долго ходил по городу, пугаясь встреч-

ных. Потом он приспособился помогать сгружать ящики на складе у богатого купца. За это его кормили. Ночевать он ходил на станцию, где паровозы выбрасывали отработанный шлак. Там было тепло и сухо.

Чары рассчитывал пережить тут зиму, а потом вернуться в родные места и ждать своего часа. Но вышло иначе. Однажды днем увидел его на базаре ханский счетовод Курт, приехавший в город за покупками. Через полчаса Чары арестовали, и дородный жандарм с шашкой на боку отвел его в участок. Сам пристав допрашивал его несколько раз, обвиняя в убийстве Мухамед-хана. Там, в участке, и выбили у него несколько зубов.

Голодный, избитый, лежал он на тюремных нарах и так же, как теперь, молча глядел в потолок. Он давно погиб бы от лишений и побоев, если бы не поддерживала его память о кровавом долге, не оплаченном еще родом Ильяс-хана. Серым степным волком видел себя в мечтах Чары. Это давало ему силы не умирать и страшно, по-волчьи, смотреть на допросах в глаза пристава.

— Я тебя все равно убью, зверское отродье!..— кричал ему белый от гнева пристав, встречая этот упорный взгляд. Возможно, что пристав и выполнил бы свое обещание, но ему помешали.

Как-то ранним утром до камеры, где лежал Чары, долетели с улицы незнакомые звуки. Играла музыка, громко кричали по-русски. Вскоре двери тюрьмы открылись, и арестанты бросились к выходу. На улице толпились люди. Махали шапками, пели и обнимались. Над толпой горели красные флаги. Господин при-

став исчез. Пришел февраль семнадцатого года.

Пока говорились жаркие речи, ничего не понимавший Чары прокрался вдоль забора и, волоча ноги, побрел прочь из города, в пески.

В первом же ауле он нанялся в чабаны и ушел на дальние колодцы. Окрепнув за лето и осень, он зимой купил себе коня и подался в родные края.

В мире творилось что-то непонятное. Перестали подвозить в аулы керосин, соль и спички. Ходили слухи, что будут увеличивать нормы воды, раздавать народу коней и баранов. И действительно, пришли в аулы туркмены из города и стали делить государственные земли. К тому времени почти вся вода в соседних аулах принадлежала Ильяс-хану. Эту воду распределили между всеми дайханами. Сам Ильяс-хан поступил, как всегда, мудро. Он собрал свои пожитки и, оставив дом на попечение Курта, ушел через горы в Персию, к своим дальним родственникам. Большой караван верблюдов, груженных ханским добром, отправился вместе с ним. Но когда стали перегонять с колодцев громадные ханские стада, люди из города запретили это.

Чары добрался до знакомых мест, когда Ильяс-хан был уже за горами. Шамурад-хана тоже не было.

Долго стоял Чары у старой развaленной мазанки и смотрел на шесть высохших лоз винограда. Потом медленно пошел в крепость и сел на валу... Нет, не ослабевала в нем острая, не знающая пощады ненависть. Окрепшая в тяжких испытаниях, она разрослась в груди и

холодным лезвием кинжала колола сердце. Скорей умрет он, чем простит врагам кровь своего рода... Терпеливо будет ждать он их возвращения.

На другой день встретил Чары своего друга Тагана. В белом тельпеке и дорогом халате ездил он на чистокровном ахальском коне. Таган рассказал, что недалеко отсюда один из соседних ханов собирает удалых молодцов. Они теперь правят там и делают что хотят.

— Такая жизнь, как у нас, тебе понравится!..— сказал Таган. Но Чары отверг его предложение и снова пошел в чабаны.

А события шли своим чередом. На станции громыхали пушки. Далекий гул их долетал до старой крепости и эхом отдавался в горах. В один из жарких летних дней появился в ауле Шамурад-хан в парадном халате поверх гвардейского мундира. С ним было несколько русских офицеров. По станции расхаживали в светлых гетрах солдаты британских колониальных войск. Один за другим проходили на восток эшелоны с длинноствольными английскими пушками.

Шамурад-хан послал гонцов по аулам с требованием дать джигитов. В приказе о мобилизации говорилось про «священную войну за свободу». Первое, что сделал Шамурад-хан,— он снова отобрал воду и в наказание разорил у Карры-кала больше половины дайханских кибиток. В память о брате Мухамед-хане вырезал он весь род Халлы, бывшего жениха Бибитач. Самого Халлы привязали за руки и ноги к хвостам четырех горячих ахальских коней и стегали их камчами до тех пор, пока они не разорвали Халлы на части.

Целый отряд послал Шамурад-хан для поимки Чары, но, предупрежденный соседями, Чары вовремя ушел с колодцев.

Снова блуждал он в горах, гонимый, как зверь, людьми Шамурад-хана. Ему нельзя было показаться ни в одном из аулов. Как-то поутру выследили его два родственника ханского счетовода Курта. Целый день гнались они за ним по осыпающимся горным кручам. Под вечер им удалось ранить его в ногу. Забившись в узкую шакалью расщелину, он ждал их приближения. И когда один из них полез было вверх по скале, Чары коротким ударом ножа в шею зарезал его, как барана. Забрав у убитого винтовку, он тут же, в темноте, прострелил голову и другому. Глаза чабана привыкают видеть и ночью.

И снова, волоча раненую ногу, ходил он по горам, как одинокий барс, такой же злой, голодный и страшный...

Нога постепенно зажила. Он нашел далеко в горах небольшую пещеру и там устроил себе логово. О нем знал один лишь Таган, который время от времени приезжал в горы и привозил ему лепешки, геок-чай и патроны.

Почти год прожил в горах Чары. Лишь два раза спускался он в аулы. По непреложному закону дайхане принимали его, кормили и высказывали добрые пожелания. Но сам он хорошо знал, что грозит каждому из них, если всесильный Шамурад-хан узнает об этом. А ханские соглядатаи были на каждом шагу.

Снова гром пушек отдавался в горных ущельях. На этот раз эшелоны везли солдат в белых гетрах в обратном направлении. В аулы

группами и в одиночку возвращались джигиты, мобилизованные на фронт Шамурад-ханом. Однажды ночью сам он исчез неизвестно куда вместе со своими друзьями, предупредив напоследок, что «священная война» не кончилась. Она только начинается...

Вскоре по мало кому известным тропам пошли через горы караваны. Вместе с терьяком [1] и сушеными финиками везли они новенькие винчестеры, разобранные трехногие пулеметы и тяжелые светло-желтые обоймы, аккуратно сложенные в длинных, наглухо забитых ящиках. И запылали непокорные кибитки, в страшных мучениях умирали привязанные к конским хвостам дайхане, которые осмелились коснуться ханского добра.

Тогда и выделены были отряды особого назначения для борьбы с басмачами.

Чары спустился с гор... В одном из своих набегов Шамурад-хан окончательно разорил аул возле старой крепости и взорвал водораспределители. Дайхане собрали свой скарб и откочевали кто в пески, кто в соседние аулы. Полуразрушенные мазанки присыпало песком. Сиротливо торчали из земли обгоревшие колья. Здесь, на развалинах родного аула, еще раз встретился Чары с Таганом. Пока в аулах было безвластье, соседний хан, в отряде которого служил Таган, враждовал с Шамурад-ханом. Они не признавали друг друга. Теперь же, с возвращением красных, он по чьей-то команде из-за гор подчинился Шамурад-хану. Таган сейчас сам командовал басмаческой полусотней у Шамурад-хана.

[1] Терьяк — наркотик, примешиваемый к табаку.

Но дружба двух джигитов крепче дамасской стали. До Шамурад-хана добраться сейчас Чары невозможно. Единственный путь, который одобрял Таган,— пойти в один из красных отрядов и в стычке добраться до ханского горла. Он, Таган, поможет ему в этом. Тагану в конце концов нет дела до Шамурад-хана. У него есть свой сердар, которому он будет верен, пока служит у него.

Всю ночь проговорили друзья. Они условились о способах, которыми будут связываться друг с другом, о местах встреч. Наутро Таган ускакал, а Чары принялся ждать очередного набега басмачей и прихода красного отряда. Таган сообщил ему, что уходить от преследования Шамурад-хан будет этой дорогой, мимо Карры-кала, в ущелье...

Чары не представлял себе, что такое красный отряд и как он туда придет. Таган только сказал ему, что там все русские. А охотятся они в первую очередь за Шамурад-ханом и теми русскими офицерами, что помогают ему.

Чары до сих пор почти не знал русских. Они были для него чужими. Первым русским, с которым свела его близко судьба, был господин пристав. Память об этой встрече осталась у него навсегда. Помнил он хорошо и другого русского — соседа по тюремной камере, бандита-рецидивиста Тришку Шпандыря, как звали его друзья. Когда в первый раз втолкнули Чары в камеру, жандарм подмигнул Тришке, и тот устроил новичку «крещение с вышибанием под нары»...

И вот теперь он должен будет пойти в русский отряд. Но он пойдет и туда, если там

проходит ближайший путь к горлу Шамурад-хана! И Чары терпеливо ждал.

На десятый день с севера послышалась стрельба. Чары засел в разваленной мазанке и наблюдал оттуда.

Сначала промчалась к крепости группа всадников в халатах и тельпеках. Следом за ними с двух сторон подошел большой кавалерийский отряд. Солдаты в остроконечных шапках проскакали так близко, что ему пришлось лечь на землю.

Пули свистели над самой головой Чары и глухо ударялись в сухую глину дувалов. Совсем рядом с ним четко и громко заговорил пулемет. С флангов ответили другие. Выглянув из-за укрытия, Чары увидел, как заволакиваются ровными

строчками пыли верхушки знакомых крепостных стен. Кое-где обрывались вниз большие глиняные глыбы. Желтые кирпичики разлетались мелкими брызгами.

Стрельба стихла сразу, как по команде. Солдаты двумя цепочками въезжали в крепость... Когда стемнело, над крепостью замигали отсветы костра. Чары встал и пошел им навстречу. Но вдруг кто-то крикнул по-русски и два раза выстрелил в его сторону. Тогда, далеко обходя крепостные башни, он двинулся к заваленной камнями пещере. Здесь ему было все знакомо. Отвалив камни, он вошел и начал спускаться вниз.

Выход из-под земли в крепость был разрыт. Кто-то, видимо, недавно пользовался им. Чары выбрался наружу и, присыпав ход сухим бурьяном, пошел к догоравшему костру. Рядом щелкнули затвором. Чары увидел на валу две тени и направился прямо к ним. Ему приказали остановиться. Он остановился и сказал, что хочет поступить в отряд, чтобы убить Шамурад-хана.

Они не поняли его. Один из них ушел и вскоре вернулся. С ним пришел третий, который заговорил вдруг с Чары на чистом туркменском языке. Это его удивило. Он повторил свои слова о том, что хочет поступить в отряд, а когда спросили, как он попал в крепость, повернулся и пошел к могильнику, чтобы показать подземный ход.

Выйдя из пещеры, Чары заметил у края скалы лоскут от халата. Зоркие чабанские глаза его рассмотрели в темноте след бескаблучного кавалерийского сапога. Это была нога Шамурад-хана. Такой же след, маленький, твердый,

прямой, он видел там, на соленом озере, где пал весь его род. След этот он узнал бы днем и ночью среди тысяч других... Чары долго смотрел на этот след и молчал. Из ущелья доносился до него лишь ровный глухой шум потока.

Обернувшись, он увидел, что фонарь русских, следовавших за ним, удаляется в сторону крепости. Бесшумно прыгая через камни, он скоро догнал их...

На полустанке, куда прибыли они на третий день, ему принесли такую же одежду, какую носили все в отряде. Чары не хотел ее надевать. Тогда командир, говоривший на туркменском языке,— его звали Рахимов — коротко сказал, что, если он не переоденется, ему придется убраться из отряда. Чары переоделся. Свой старый халат и тельпек он аккуратно свернул и отдал на хранение в склад отряда. Он не думал долго задерживаться здесь.

Оказалось, что Рахимов не единственный туркмен в отряде. Другим был Мамедов, который так зло смотрел на него, что Чары ощупывал у пояса нож. Один раз Мамедов сказал сквозь зубы, что видит его мысли, как в чистой воде, и все равно до него доберется. Чары ничего не ответил. У него была своя цель, и он не хотел отвлекаться от нее. Ради нее он переживет все.

Но в соседнем взводе неожиданно увидел Чары двух братьев-туркмен. Они были чистые иги: прямые, с ровной походкой, несросшимися бровями, белолицые и крутолобые. Братья были, пожалуй, еще бо́льшие иги, чем род Ильяс-хана.

Вопреки законам пустыни, Чары возненави-

дел всех игов. Впервые это чувство возникло у него там, на соленом озере, и окрепло во время долгих одиноких скитаний в горах. И когда давно позабывшие в Красной Армии о своем превосходстве братья Оразовы подъехали к нему и весело его приветствовали, Чары не сдержался и угрожающе потряс карабином.

Братья отъехали от него и больше с ним не говорили. Но Чары ждал теперь от них мести. Он знал, что проявил невоспитанность, грубо говоря с игами, и что рано или поздно по закону пустыни последует возмездие. В этом Чары не сомневался.

Прошло еще несколько дней. Нетрудно было выросшему в седле чабану научиться кавалерийскому строю. Он сидел как вылитый в седле, а лоза у него ложилась как срезанная молнией. Стрелял он, пожалуй, лучше всех в отряде... Что же касается рассказов высокого командира, то они не интересовали Чары. Раз нужно ходить в строю, стрелять, стоять на перекличке, он будет это делать. Остальное его не касается. К тому же он по-русски понимал лишь несколько слов. На политзанятиях Чары уходил в свои мечты.

Присмотревшись, заметил он в отряде, кроме туркмен, много других нерусских людей. Первым он выделил китайца Чена, маленького белозубого и черноглазого пулеметчика. Тот всегда приветливо улыбался всем, в том числе и ему. Чары не отвечал на его улыбки, ему не было дела ни до кого, но терпеливый китаец, казалось, не замечал этого и продолжал при встрече улыбаться, показывая все свои зубы.

Чары не понимал, что понадобилось всем этим разным людям в Черных Песках, зачем

они собрались сюда и лезут под пули, если даже халаты и тельпеки с убитых не делят между собой. Но он не стал думать об этом. У них было какое-то свое дело, а у него — свое.

Из русских больше всего обращал на него внимание тот широкоплечий плотный человек, что задержал его ночью в крепости. В отряде его называли Телешовым, а красноармейцы помоложе — дядей Степаном. Этот все пытался о чем-то говорить с Чары, старался помочь ему.

Вообще все они как будто чего-то ждали от него. Чары это хорошо чувствовал. Но он не мог забыть пристава, крещение под тюремными нарами. Он не доверял доброте этих людей, как не доверял всему миру. За их добротой крылось что-то непонятное. Он, Чары, им явно для чего-то был нужен. А ему, кроме крови Шамурад-хана, ничего не нужно.

В поход Чары пошел с радостью, но как равнодушно смотрел он на прикрытые брезентом изуродованные трупы на станции — что ему до каких-то чужих убитых людей!

В одном из дайхан, укладывающих рельсы на разгромленной басмачами станции, Чары узнал переодетого Тагана, ханского разведчика.

— На первой стоянке сделаешь ночью тысячу шагов к востоку...— шепнул ему Таган.

Ночью, на привале, Чары виделся с Таганом. Тот рассказал ему о планах Шамурадхана.

У Чары не было никаких счетов с басмачами. Его интересовал лишь один из них. На следующий день Чары увидел своего врага.

Его зоркие чабанские глаза заметили белый тельпек Шамурад-хана. Но он не стрелял. Отсюда было очень далеко, а Чары хотел бить наверняка, и не из карабина, а ножом.

Он чувствовал на себе подозрительные взгляды, слышал разговоры о себе, хоть и не все понимал по-русски. Возможно, это и заставило бы его уйти, если бы в отряде не было людей, которые верили ему. Когда Телешов, комиссар или Чен смотрели на него, Чары казалось, что они откуда-то знают всю его историю.

Командира он не понимал. Пельтинь холодно смотрел на Чары своими серыми глазами. И тот, давно уже не боявшийся ничего на свете, побаивался взгляда командира.

Однажды Чары стоял за углом казармы и смотрел в сторону гор. Было уже темно. Лишь едва заметная светлая полоса подчеркивала далекие черные вершины.

И вдруг чья-то большая рука ласково погладила его голову. Чары вздрогнул, поднял глаза вверх и увидел командира. Здесь, в темноте, он впервые заметил, что у командира совсем седые виски.

Пельтинь постоял немного, потом повернулся и ушел своим тяжелым размеренным шагом.

Еще два раза виделся Чары с Таганом. Во второй раз их неожиданно обстреляли неизвестные люди, в которых Чары узнал особистов. Но он не чувствовал за собой никакой вины и вернулся в отряд.

И вот остатки банды прижаты к холмам. Все туже сжимается петля на шее Шамурад-

хана. Чары лежит в цепи. Здесь не раз перегонял он по весне отары с зимних пастбищ на летние. Вон там, на большом холме, зажигал всегда старый Аллаяр свой костер, а внизу проходил овраг. Буйные весенние воды неслись по нему с гор. Но теперь овраг должен быть сухим. Его отсюда не видно. Особисты и не подозревают, что осталась еще одна узкая лазейка для Шамурад-хана... Что это мелькнуло над оврагом? Не белый ли тельпек? Чары выхватывает бинокль у Телешова, встает во весь рост и смотрит туда... Так и есть. У самого подножия холма видны конские спины и тельпеки. И, бросив бинокль, Чары бежит прямо туда, к уходящему от него врагу.

Ему что-то кричат сзади, но он не слышит. Взвизгнув, скрежетнула о камень пуля, но Чары уже спрыгнул в овраг. Бегом за Шамурад-ханом, пока тот не унес свою голову!..

Трудно угнаться за конными. Когда Чары наконец выбегает из оврага, он видит только издали семь или восемь скачущих всадников... Чары бросается к оседланной лошади, рвет повод из рук у какого-то человека. Тот не дает ему. Тогда он с маху бьет его карабином по голове и вскакивает в седло.

Кони летят по пустыне. Всадники заметили погоню и хлещут по их гладким, блестящим от пота спинам. Но упорный одинокий преследователь не отстает. Именно потому, что тот один, он вселяет в них суеверный ужас.

От группы отделяется всадник с винчестером наперевес и движется навстречу Чары. Как скошенный валится он из седла, выбитый меткой пулей, а конь, заржав, уносится в степь. Никакого зла не имеет Чары к этим людям,

окружающим Шамурад-хана, но пусть не мешают они ему свершить правосудие.

Второй всадник поворачивает назад. Серые глаза смотрят так же холодно, как дуло нагана в его руке. Спокойно поднимая наган, он чуть-чуть усмехается, презирая этих дикарей, испуганных одиноким преследователем... Но потухает улыбка, валится из рук наган, а вслед за ним падает на сухой куст колючки обмякшее тело. Распахивается красный полосатый халат и открывает старый офицерский мундир.

Но вот сразу двое завертелись на месте и понеслись: один навстречу, другой в обход. Первого, чернобородого туркмена со свирепыми глазами, Чары снял сразу. Второй, видно, хочет уйти в сторону. Чары не знает этого бледнолицего, с темными усиками, но тот дружит с Шамурад-ханом, а от друзей врага всего можно ждать, и его пуля сбивает с коня второго.

Еще один всадник поворачивает коня.

— Не стреляй, Чары, дорогой!..— кричит он, спешившись и протягивая вперед обе руки. Чары узнает Курта, ханского счетовода. Тот виноват перед ним, но расчетов кровью между ними нет. Пусть живет!

В ту минуту, когда Чары пролетает мимо него, Курт прыгает вперед, виснет всей тяжестью на его руке и тянет на землю. Свободная рука Чары нащупывает у пояса нож брата и вгоняет его по рукоятку в грудь предателя.

Родные горы, они уже близко. Через разрушенный аул Шамурад-хан несется прямо к крепости Карры-кала. С ним остался только

одии... По родиому заброшеиному полю стучат копыта коня. Чары выносится к иасыпи и с ходу влетает в древиие ворота.

Шамурад-хаиа не видио. Но против ворот стоит басмач и целится в Чары из винтовки. Пуля срывает с него буденовку. Подскакав, Чары стреляет в упор в басмача. И тут же хватается за бок и падает с коия. Из-за камня выходит его кровиый враг с пистолетом в руке. Ои медленно подходит, и оии долго — кажется, целую вечиость — смотрят в глаза друг другу.

— Что, грязиый раб, безухая собака, дождался своего коица?! — говорит Шамурад-хан.— Вот этой рукой я убил твоего отца, твоего брата, всех змееиышей из твоего подлого рода... Я бы тебя тоже привязал к хвосту коия, ио у меия иет времеии и желаиия пачкаться о твою иечистую шкуру, нюхать твой воиючий пот... Я сейчас с иаслаждеиием убью тебя. Но прежде я плюиу в твои глаза!..

Ои плюет зелеиым иасом прямо в широко открытые глаза Чары. Потом ои приставляет пистолет к груди и стреляет прямо в сердце...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бесшумно поползла вправо вагоиная дверь. Утреиияя свежесть сразу вытесиила аптечные запахи. Подобрав одиой рукой полы белого халата, держась другой за железиую скобу, подиялась в теплушку сестра милосердия. Чары прямо, не мигая, смотрел на иее. Сестра улыбиулась ему, как старому знакомому, и вынула из кармаиа халата бутылку с молоком, заткиутую бумагой.

— Будем пить молоко...— сказала она и, приподняв сильной рукой его плечи и голову, взбила подушку. Чары не хотел молока, но невольно стал пить, не спуская глаз с ее белой руки, твердо держащей чашку.

— Вот и все! — Поставив на стол чашку, сестра села на койку возле двери и стала смотреть наружу. Послышались голоса.

— Тут пришли к тебе!..

Она шагнула в сторону и пропустила в вагон двоих: Мамедова и Телешова. Это были люди, которых он видел когда-то в тревожном сне.

— Ну, как самочувствие? — спросил Телешов, присев на край стула.

Чары молчал и смотрел в потолок.

— Ведь ты геройский парень, прямо тебе скажу. Наши ребята одобряют тебя. Вот хоть его спроси...— Телешов ткнул пальцем в Мамедова.— Говорят: свой, пролетарский, значит, человек.

Они посидели немного. Телешов положил свою чугунную руку на руку Чары, попрощался и сразу ушел, а Мамедов задержался. Раненый настороженно смотрел на него. Он помнил его злобу и вражду. Мамедов за все время не сказал ни слова. Он мялся, тер себе руки и только после ухода Телешова вытащил из кармана платок, развернул его и положил возле Чары так хорошо знакомый ему нож с костяной, правленной серебром рукояткой. У Чары загорелись глаза. Мамедов радостно заулыбался и, пожелав здоровья и успехов, как желают очень уважаемому человеку в пустыне, выпрыгнул из теплушки.

В полдень Чары перебинтовали. Сестра легко касалась его груди кончиками теплых паль-

цев, и он каждый раз вздрагивал при этом. Демидко осмотрел раны и уверенно сказал:

— Теперь, хлопец, дело пойдет на поправку!..

Вечером пришел пулеметчик Чен. Он, как всегда, скалил зубы в ослепительной улыбке и смешно сутулил плечи. Слова он сыпал быстро, как горошины, так что слышались только отдельные слоги.

— Молодес, товалиса!.. — выкрикивал он, рассекая воздух маленьким кулачком.— Стреляй холосо... ко мне плиходи... пулемет учи мала... Настояси класнолмейса будес!..

Вечером его посетил Рахимов. Этот спокойный человек, никогда не надоедавший ему никакими вопросами, молча сел на табуретку у постели. Чары лежал и глядел в потолок. Казалось, он что-то вспоминал. Может быть, своего отца, брата Берды, шум потока за садом, старую Аннагуль, греющуюся на солнце... Рахимов посидел и ушел, так и не сказав ни единого слова. Скорее всего их и не нужно было ему говорить.

На другое утро, вскоре после сигнала побудки, прибежал Мамедов. Он передал сестре милосердия большую пачку зеленого чая, ставшего к тому времени редкостью, и две большие белые лепешки, завернутые в кусок новехонькой портяночной фланели. Кивнув головой раненому, Мамедов убежал на занятия.

В этот день в теплушке перебывало много народу. Все задавали Чары один и тот же вопрос — о здоровье. Потом чаще всего молча сидели и, проговорив на прощание несколько ободряющих слов, уходили.

Зашел и командир Пельтинь. Он не присел,

как другие, а ходил из угла в угол. От его тяжелых шагов вздрагивали все предметы на столе. Подойдя наконец к кровати, он положил возле подушки раненого большие серебряные часы с тройной крышкой и, пробормотав что-то, вышел таким же ровным тяжелым шагом. Так и не узнал никогда Чары, что часы эти принадлежали лучшему другу командира Августа Пельтиния, убитому в бою под Орлом, когда они вместе в цепи красных латышских стрелков шли в атаку на деникинские позиции...

И в следующие дни раненый редко оставался один. Мамедов забегал к нему по нескольку раз на день, приносил лепешку, каурму и смотрел на Чары восторженным, преданным взглядом. Часто заходил и Телешов. Ни разу не пришли к раненому только братья Оразовы.

На все знаки внимания к нему со стороны бойцов отряда Чары отвечал холодным, сумрачным взглядом.

До сих пор он никому не был нужен. И никто, кроме отца и друга Тагана, не заботился о нем.

Чары упорно думал над тем, зачем он понадобился этим людям. Почему они ходят к нему, говорят с ним, дарят часы? Зачем подобрали его, полумертвого, и лечат теперь? Так или иначе, они все еще были для него чужими людьми, у которых есть свои какие-то цели. А он, Чары, не желает знать об этом. У него есть своя цель, свой долг, который он выполнит или умрет...

Комиссар в эти дни отсутствовал. Когда он наконец появился в вагоне санчасти, Чары

мог уже сам поднимать голову с подушки. Но он не поднял ее навстречу комиссару, а продолжал лежать, угрюмо глядя в стену.

Комиссар пришел вместе с Телешовым. Они посидели, поговорили с сестрой. И вдруг комиссар понял, что новичок необыкновенно красив. Раньше он не обращал на это внимания. И сейчас не думал об этом. Просто комиссар вдруг перехватил взгляд сестры милосердия, смотревшей на раненого...

Болезненно бледное лицо Чары Эсенова поражало правильностью своих черт, тонких и мужественных. Все портили лишь глаза. Тоже необыкновенно красивые, они горели таким зловещим, холодным огнем, что хотелось поскорее выйти из теплушки в живой весенний мир.

Но смотревшую на Чары девушку как будто не пугал этот холод.

Чары, должно быть, сам не знал, что с ним творится. Он был спокоен, если сестра мило-

сердия была рядом. Когда она хоть на минуту отлучалась, он начинал нервничать, прислушиваться к малейшим посторонним звукам и чего-то ждать. Когда она возвращалась, раненый гневно смотрел на нее. За все время он не сказал ей ни слова...

Однажды вечером у него поднялась температура. Пришел Демидко, осмотрел раны, успокоил сестру и ушел. Температура скоро упала, и Чары заснул. Проснулся он неожиданно, как будто что-то толкнуло его. Чуть приоткрыв ресницы, Чары увидел, что сестра сидит за столом и, отодвинув в сторону лампу и книгу, которую читала с вечера, смотрит на него странным затуманенным взглядом. Она долго сидела так, потом встала и подошла к кровати. Чары лежал не шевелясь. Вдруг он услышал ее дыхание... Все ближе, ближе, и он почувствовал едва ощутимое прикосновение к своему лбу теплых девичьих губ.

Сестра тихо отошла и села на свое место. Подняв голову, она увидела, что раненый смотрит на нее расширенными, черными, как уголь, глазами. Она вспыхнула и быстро отвернулась. Потом прикрутила лампу и вышла из теплушки.

Все утро Чары настороженно наблюдал за нею. Но она не смотрела в его сторону, а потом надолго ушла, чего не бывало за все эти дни.

Вечером к теплушке подошли два особиста. Сестра звонко смеялась вместе с ними. Раненый лежал, стиснув зубы.

Проходили дни. Сестра вовсе не обращала

на него внимания. Она стала даже грубоватой с ним.

Раненый уже вставал. Вечерами он выбирался из теплушки и садился на старую, прогнившую шпалу. Со станции доносились протяжные волжские песни. Порой в песню входил звонкий женский голос, и Чары вздрагивал. Так сидел он, пока она не возвращалась. Каждый раз кто-то провожал ее до теплушки. Завидев издали сестру, раненый уходил в вагон...

Однажды вечером сидел он, как всегда, возле вагона и вдруг увидел, что от станции идут двое: часовой и с ним какой-то туркмен. Присмотревшись, Чары узнал своего друга Тагана.

— Вот знакомый ищет тебя! — сказал часовой и, подозрительно посмотрев на Тагана, ушел. Они остались вдвоем...

Утром сестра милосердия не нашла раненого. Постель была аккуратно прикрыта синим госпитальным одеялом. На столе лежали большие серебряные часы с тройной крышкой.

Телешов и Мамедов побежали к комиссару.

— Что же делать будем?— растерянно спросил Телешов.— Ведь пропадет парень. Он же еле ходит. Искать надо...

— Не надо искать...— заговорил вдруг Рахимов и убежденно добавил: — Не надо!

— Это вчера того басмача нелегкая принесла! — с сердцем сказал Димакин.— Провалиться мне, ежели я его у Шамурад-хана не видел...

По гладкому такыру, опустив поводья, едут всадники. Они направляются к горам, стеной

встающим на пути горячих северных ветров. Один из них заботливо поддерживает другого. Чары еле сидит в седле. Под халатом видны белые полосы бинтов, перехлестнувшие грудь и плечи. Едут они долго, пока горы не закрывают полнеба. У подножия их выступает вперед холм с полуразрушенными башнями наверху — часовой, принимающий на себя первые удары песчаного моря.

Чары больше нечего было делать в отряде. Таган сообщил ему, что Шамурад-хан уехал далеко за горы, а может быть, еще дальше и теперь не скоро вернется. Чары решил уйти из отряда.

Отец Тагана вернулся с семьей в разоренный аул возле крепости. Таган предложил другу пожить у него, а потом податься к старому сердару Тагана, который нуждается в таких молодцах. Там он и выждет возвращения Шамурад-хана, чтобы сполна получить с него долг. Тем более что сердар сам ненавидит Шамурад-хана не меньше, чем русских.

Чары согласился пожить в семье Тагана, но пойти к басмачам он отказался. Может быть, придется столкнуться сердару Тагана с особым отрядом. А стрелять в Рахимова, Телешова, китайца Чена, командира Пельтиня Чары никогда не станет. Он подлечится, отдохнет и будет искать Шамурад-хана.

Каждый день ходит Чары в Карры-кала, стоит и долго, часами, смотрит на то место, где лежал он и враг плевал ему в глаза. Страшно в это время смотреть на него...

Потом он выходит на крепостной вал и сидит там до самого вечера. Издали кажется,

что неподвижная фигура в тельпеке тоже высечена из камня.

Чары видит перед собой разрушенные дувалы своего аула. Вон там, у самого края, стояла их кибитка... Вечерний, приторно-сладкий дым родного тамдыра снова щекочет его ноздри. Одинокая, горькая, как сок зеленой колючки, слеза выкатывается из глаз и, скользнув по окаменелым скулам, падает в пыль.

Быстро темнеет в пустыне. Вот уже сидит Чары в кибитке, глядя через откинутую дверь на веселые отсветы очага. Отец Тагана, высокий мудрый старик, не одобряет образа жизни, выбранного сыном. Помолившись, заходит он в кибитку и садится напротив.

— Аллах все создал для жизни...— говорит он Чары.— Земля, вода и воздух нужны всему живущему, и великий грех совершает тот, кто хочет отнять у другого эту милость аллаха.

Наперекор пескам, уже хлынувшим на заброшенный аул, очистил старик клочок своей земли, пробил в глине узкий арык и снова посадил здесь несколько лоз винограда. Они дали уже свежие зеленые побеги.

— Самый почетный, самый угодный аллаху труд — это труд земледельца...— так говорит старик.

Быстро заживают раны. Грудь совсем уже не болит. Чары снял грязные бинты. Теперь он каждый день понемногу помогает старику в хозяйстве. Жизнь вокруг кажется мирной и тихой. Никто не появляется возле древних стен Карры-кала.

Вечерами сидит Чары у огня и слушает мудрого старика.

А ночами он разговаривает во сне с Рахимовым, Телешовым, Мамедовым, командиром Пельтинем и комиссаром Савицким. Он им что-то объясняет, доказывает.

Однажды утром Чары седлает коня и, попрощавшись со стариком, уезжает.

Еще издали Чары заметил, что на станции не все как обычно. Он увидел нескольких особистов, быстро идущих через плац к тому месту, где проводятся политзанятия. Там собралась большая толпа. Серо-зеленые гимнастерки перемешались с красными халатами.

Чары едет мимо караульного помещения и вдруг застывает на месте. Открывается дверь, и, жмурясь от солнца, выходит... господин пристав!

Они смотрят друг на друга. Пристав как будто узнает его и отводит глаза в сторону. Позади пристава блестит штык часового.

Господина пристава ведут туда, где волнуется толпа. Чары едет сбоку. Он видит, что грозный начальник постарел, обмяк и осунулся. На плечах его болтается потертая офицерская шинель со споротыми погонами. Он не знает, куда деть свои длинные руки, и нервно сует их то в карманы шинели, то за спину.

Чары садится на то самое место, где сидел он с закрытыми глазами на политзанятиях. Но теперь глаза у него широко открыты. Чары не спускает их с пристава, который сидит перед ним под охраной часовых.

Комиссар на своем всегдашнем месте. Он входит в состав особого трибунала, который рассматривает дело бывшего полицейского пристава Дудникова.

Все как на политзанятии! Только стол накрыт красной материей и рядом с комиссаром сидят четверо. Один из них в бараньем тельпеке. Да еще сзади, за спиной Чары, больше людей, чем обычно. Из всех окрестных аулов приехали сюда представители.

Один за другим выходят свидетели в ватниках и халатах. Отвечая на вопросы переводчика, они говорят тихими голосами, недоверчиво поглядывая то на подсудимого, то на судей. Говорят о сожженных аулах, вырезанных семьях, привязанных к конским хвостам дайханах... Все это делал Шамурад-хан рука об руку со своим верным помощником, вот этим самым, который сидит сейчас, втянув голову в плечи, нервно сжимая и разжимая кулак с рыжими волосами на пальцах.

Чары, конечно, помнит этот кулак, может быть, он даже ощущает во рту привкус крови от выбитых зубов. Подсудимый время от времени ловит на себе тяжелый взгляд Чары, и в его глазах мечется страх.

Подсудимому предоставляется последнее слово. Он встает, моргает и тупо молчит. Ему нечего сказать.

Председатель читает приговор: «...именем Революции, освободившей народ от гнета царских палачей... к смертной казни».

— Расстрелять в двадцать четыре часа! — добавляет председатель уже от себя.

Всю ночь сидит Чары против караульного помещения и смотрит на дверь.

Не он один не спит в эту ночь. Вокруг станции горят костры. Дайхане хотят увидеть своими глазами, действительно ли расстреляют русские господина пристава...

Когда сереет рассвет, Телешов выстраивает отделение. Дудникова выводят на пустырь за станцией и ставят к старому дувалу. Чары стоит в десяти шагах и ждет.

Жесткий, незнакомый голос у Телешова. Таким голосом он никогда не разговаривал с Чары.

— По классовому врагу...— говорит Телешов.

Короткое «Пли!» — и господин пристав, дернувшись, валится на землю. Чары подходит, смотрит и отходит в сторону. Примолкшие, задумавшиеся дайхане разъезжаются по аулам.

— Вернулся?! — спрашивает сестра.— Ты чего же, недолечившись, удрал?! Дурачок...

Она ведет Чары в санитарную теплушку, и он послушно идет за нею. Демидко осматривает рубцы и хлопает его здоровенной ладонью по плечу.

— Здоров, як бык!..

После этого он дает Чары два маленьких кусочка металла.

Совсем по-другому встретили Чары в отряде. Командир Пельтинь отвернулся от него. Комиссар строго смотрел прямо в глаза.

— Вот что, джигит,— сказал ему Рахимов.— Если ты хочешь служить рабочим и крестьянам, служи как нужно. У нас тут не аламаны! А за самовольную отлучку из отряда командир дает тебе десять суток ареста. Повторишь — пойдешь под трибунал. Иди переоденься!..

Чары надевает свое армейское обмундирование, тут же отдает пояс, и его ведут в кара-

ульное помещение. Он лежит на тех самых нарах, где сутки назад лежал господин пристав.

Не спится Чары. Мерные шаги часового за стеной такие же, как и там, в городской тюрьме. Но это совсем не то. Ведь только прошлой ночью лежал здесь и слушал их господин пристав, которого утром расстреляли. А там, в тюрьме, он выбил Чары зубы...

По классовому врагу!.. Где Чары слышал эти слова? Ах да, их много раз повторял комиссар в то время, когда Чары сидел с закрытыми глазами... Господин пристав — классовый враг. И еще Шамурад-хан. Но с Шамурад-хана раньше всех получит свой долг он, Чары.

Утром Мамедов приносит свежую лепешку. Но начальник караула Телешов забирает ее.

— Служба есть служба...— говорит он строго.— Не царю служим!

Всегда горячий и задиристый, Мамедов на этот раз опускает голову и отходит, не сказав ни слова. А через минуту Чары ловит на себе теплый, как всегда, взгляд Телешова.

Встретившись глазами с Чары, Телешов отворачивается. Он по-прежнему суровый и строгий начальник караула. Но Чары не боится его.

Днем Чары работает: чистит картошку на кухне, моет полы в казарме, убирает конюшни. А ночью думает...

Шамурад-хан объявился так же внезапно, как и в прошлый раз. Банда у него уже значительно меньше. Больше он не рискует нападать на железнодорожные станции.

Шакалом петляет он по пустыне, угоняя и

уничтожая стада. Где-то в глубине Черных Песков создал он свою базу. И особый отряд уже две недели кружит по его следам.

Неверные эти следы. Вот ступил конь на мягкий сыпучий песок. Сверху потревоженного бархана бесшумно оплывает песчаная лавина. Ветер разравнивает ее, и никто никогда не догадается, что здесь только что проехал всадник.

Кони и люди долго пьют холодную и чистую, как слеза, воду. Верблюд сегодня ходит по своей тропе дольше, чем обычно. На этом колодце отряд будет ждать рассвета.

Комиссар замечает, что чабаны здесь хорошо знают Чары Эсенова. Они сидят рядом, задают ему односложные вопросы. Он так же коротко отвечает. Когда заканчивают ужин, один из стариков достает дутар. Он трогает струны, слегка касаясь их всеми пальцами, и вдруг начинает петь резким, сильным голосом песню, совсем не похожую на широкие, протяжные песни русской равнины.

И в этот момент громко смеется молодой красноармеец Копылов. Улыбка появляется еще на двух — трех лицах.

Комиссар внимательно оглядывает всех. Он видит, что внешне спокойный Чары Эсенов натянут сейчас как струна. Чары смотрит на Копылова, потом переводит тревожный вопроси-

тельный взгляд на комиссара. Взгляд этот перехватывает Телешов.

— Ты чего это зубы скалишь? — спокойно спрашивает он у Копылова.— У одного над песней посмеешься, у другого тебе нос не понравится. А человечества — вон их сколько, не одна Рязань...

— Так я ничего, дядя Степан...— У Копылова сползает с лица улыбка.

— То-то же! Не нравится — не слушай. А смеяться нечего. Тебе смешки, а человека так можешь обидеть, что всю веру у него подорвешь...

Комиссар не спускает глаз с Чары Эсенова. Разговор идет по-русски — понимает ли он? Чары уже понимает.

Шамурад-хан затерялся в песках. Может быть, погиб он где-нибудь, засыпанный ими, а может, снова перебрался на ту сторону гор и залечивает там свои раны. Так или иначе, слухи о нем перестали гулять по пустыне. Захватив в разных местах два десятка его приспешников, отряд вернулся на базу.

Там уже ждали его новый приказ и эшелон. Отряду предписано было погрузиться в течение суток для отправки на большую операцию в район Ферганской долины.

Тридцать человек должны были остаться на месте. Чары Эсенов полдня беспокойно ходил вокруг штаба, потом зашел и, увидев Рахимова, попросил оставить его здесь.

— Я не буду говорить комиссару об этом,— ответил Рахимов.— Ты записан в список отъезжающих и поедешь с нами. Не хочешь — уходи сразу и не возвращайся!..

Понурив голову, пошел Чары в конюшню, вывел коня и повел к вагону.

— Чего нос повесил? Заходи на остановках чай пить!..— крикнули ему из санитарной теплушки. Он посмотрел туда отсутствующим взглядом и ничего не ответил.

После многих рывков и толчков эшелон тронулся наконец с места. Чары, сидя на корточках у отодвинутой двери, тоскливо смотрел на далекие горы. Он оставлял здесь родной курган с крепостью и неотмщенные могилы своего рода. И Чары, качая головой в такт колесам, едва слышно, почти про себя, запел песню, что пел у колодца старый бахши...

Ничего, он уже уезжал отсюда и возвращался. И на этот раз вернется. Не уйти Шамурадхану от его справедливой мести.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Уже полгода носится Чары Эсенов по зеленой Ферганской долине, глотает красную пыль Кизыл-Кумов; держа коня в поводу, перебирается через белые ледники Памиро-Алая. Только сегодня проделал особый отряд добрых полторы сотни верст вдоль буйной Кара-Дарьи и вышел к Андижану, где ждал его бронепоезд «Роза Люксембург».

Комиссар, обходя эшелон, в котором базировался отряд, остановился, привлеченный резким гортанным голосом Чена. Китаец быстро жестикулировал, объясняя что-то Эсенову. Оба они сидели на корточках между путями. Напротив них на стрелке устроился Телешов. Он

курил и внимательно слушал китайца, время от времени одобрительно кивая головой. Рядом стоял Мамедов. Этих четверых теперь всегда видели вместе...

Но вот китаец вскочил, и комиссар увидел в его руках грифельную доску из штабного вагона. На ней с большой точностью был изображен дайханин с кетменем, по колено в воде, каких ежедневно видели бойцы по обе стороны от дороги. Еще несколько быстрых штрихов — и верхом на изможденного земледельца уселся толстый самодовольный бай в дорогом халате, с пиалой в руках.

— У-у! Классовый враг!.. Стреляй будем!..— выкрикнул Чен и погрозил баю кулаком.

— Классовый враг! — четко повторил Чары Эсенов и вдруг, забрав у китайца мелок, начал по-своему дорисовывать фигуру бая.

Чары не сидит уже на политзанятиях с закрытыми глазами. Все больше понимает он беседы комиссара. Сама жизнь помогает ему понять их. Повидал он много чужого горя. Немало видел сожженных аулов. Были они узбекские, таджикские, киргизские, но большой разницы между ними не было. И люди, за которыми гонялся теперь Чары по горам и долинам, хотя носили другие халаты и тюбетейки, но злыми делами были похожи на Шамурадхана, его кровного врага...

Как только возвращается отряд в Андижан, Чары каждый вечер приходит к санитарной теплушке. Сестра милосердия и он стоят и подолгу смотрят друг на друга.

— Ну, что молчишь?! — бойко спрашивает она. А он молчит и не знает, что ей сказать...

На вокзале, в буфете, работает Машенька,

смешливая, курносая и задиристая. Она густо красит брови и при встречах с командирами томно щурит глаза. Проходя как-то ночью мимо сложенных штабелями бревен, Чары услышал глубокий вздох. При ярком свете ферганской луны он увидел за бревнами Машеньку. Рядом сидел здоровенный парень, командир взвода из расквартированного в Андижане Казанского полка, тискал ее... Чары круто повернулся и пошел к своему вагону. До него долетел сзади возбужденный, счастливый смех женщины...

Всю ночь не мог заснуть Чары. На следующий вечер он пошел, как всегда, к санитарной теплушке, где столько дней провел между жизнью и смертью.

Он долго смотрел на полураскрытую дверь теплушки и вздрогнул, когда в ней появилась сестра. Она спрыгнула к нему на полотно дороги.

Он стоял и смотрел на нее.

— Что же ты молчишь?! — спросила она.

— Аня!.. — сказал он тихо. Она широко открыла глаза. Он впервые назвал ее по имени.

Кофточка на ней была точно такая же, как у буфетчицы Машеньки... Он неожиданно протянул руку и тронул ее грудь. Она, оторопев, смотрела на него...

И вдруг он почувствовал сильный толчок и резкий удар по лицу.

— Ты!.. Ты!.. — всхлипывала она; потом, расплакавшись навзрыд, бросилась в вагон. В соседних теплушках послышались голоса.

Чары повернулся и, пошатываясь, пошел от вокзала по пыльной андижанской улице.

Густо задымив, бронепоезд «Роза Люксембург» начал набирать скорость. Особый отряд вместе с другими частями рассыпался по степи...

Все было закончено в несколько дней. Бухарский эмират рухнул, как старый, подточенный временем дувал. Кто куда разбежались гвардейские офицеры в высоких белых тюрбанах, заплывшие салом чиновники, изнеженные и сварливые эмирские жены.

Когда атаковали дворцовые укрепления, Чары зацепило левую руку. Пуля пробила мякоть чуть выше локтя. Телешов туго обмотал ему рану бинтом, а сверху — разорванной на полосы гимнастеркой.

Группа особистов стояла у ограды дворца. Курили, смеялись, делились впечатлениями боя. Мимо галопом проносились повозки армейского обоза. Одна из них на минуту задержалась. С нее соскочила сестра милосердия и побежала к особистам.

— Кто... как ранен?! — спросила она, тяжело дыша.

Увидев сидящего на краю арыка Чары, сестра бросилась к нему.

— В руку?! А мне сказали...

И, не договорив, принялась разматывать телешовскую повязку. Осмотрев рану, она совсем успокоилась, ловко наложила новую повязку и повесила ему руку на перевязь.

— Утром зайдете...— сказала она, не глядя на него.

Но он смело взял ее за руку, и она вдруг широко, по-детски улыбнулась ему.

Недели через две, когда ликвидированы были оставшиеся от эмирата банды, отряд получил приказ о возвращении на прежнюю базу. В Черных Песках снова свирепствовал Шамурад-хан.

Сидя на корточках перед открытой настежь дверью теплушки, Чары Эсенов напевал про себя все ту же старую песню. В вагон задувал теплый, ласкающий ветерок. Он нес с собой пьянящий запах емшана, горький дымок от горящей колючки и едва уловимый привкус соли... По всей пустыне разбросаны высохшие за лето озера. На дне тонким сверкающим слоем лежит белая соленая пудра. Ветерок подхватывает легкие невидимые кристаллики, и они гуляют с ним из края в край над тяжелыми песками. Вот почему появляется иногда на обветренных губах привкус соли.

Отряд атаковал колодец, который пришлось уже однажды брать ему весной. Басмачи теперь не принимали открытого боя. Рассыпавшись за барханами, они время от времени открывали редкий прицельный огонь.

Чен сидел, как всегда, за максимом. Кто-то в желтой кожаной куртке полз к нему сзади. Чен махнул рукой, показывая на простреливаемый противником участок, и снова стал наблюдать за боем. Подобравшись сзади, переодетый басмач выпустил ему в спину три пули...

На площадке возле старого засыпанного колодца лежал пулеметчик Чен. Он умирал в

полном сознании. Молча стояли вокруг бойцы отряда. Телешов, Чары и Мамедов были рядом с комиссаром и командиром возле умирающего. Чен улыбался им своей ослепительной улыбкой. Но черные раскосые глаза его уже смотрели в лицо смерти. В последний раз взглянул он на всех и закрыл веки.

Еще долго стояли все, не веря в смерть. Потом Телешов наклонился и поцеловал Чена. Вслед за Телешовым встал на колени Мамедов. И весь отряд, один за другим, прошел мимо, наклоняясь и целуя товарища Чена.

А Чары стоял и смотрел на суровых людей с буденовками в мозолистых руках. Когда все прошли, Чары наклонился и последним поцеловал мертвого друга. Выпрямившись, он долго смотрел в ту сторону, куда через пески и топкие солончаки ушел Шамурад-хан...

Трижды полоснул воздух сухой залп. Четкой дробью попрощался с хозяином старый максим. Отряд ушел дальше на север. А посреди пустыни остался одинокий холмик, сложенный из кусков старого дувала. Сверху лежала краснозвездная буденовка. Ветер уже успел занести за ее отвороты первые песчинки. На два метра ниже с тремя пулями в спине лежал в сухом каракумском песке китаец Чен, сын рыбака Вана, приехавший сюда с берегов Желтого моря воевать за революцию.

Хотя Чары оставался замкнутым и неприветливым, но как-то незаметно для себя он сблизился почти со всеми особистами. И только двоих не мог он терпеть. Братья Оразовы лучше других понимали это, и сами сторонились его.

И вот, уйдя в разведку, старший брат не

вернулся. Три дня искал его отряд. Три дня не ел ничего младший Оразов, никогда в жизни еще не садившийся есть без старшего. На четвертый день разведка наткнулась в песках на пропавшего.

Через полчаса весь отряд подошел к этому месту. Старший Оразов лежал раздетый, с отрезанными ушами и выколотыми глазами. Темно-багровая от спекшейся крови пятиконечная звезда была вырезана от одного плеча к другому. Кровавая корка еще больше подчеркивала белизну тела.

Над трупом, глядя прямо в лицо ему, неподвижно сидел младший Оразов... Вырыли в песке могилу, обложили ее бурым саксаулом, а он все сидел и держал руку брата. Никто не решался подойти к нему.

Тогда вышел вперед Чары Эсенов, мягко тронул за плечо Оразова, сказал два слова на родном языке. И тот вместе с ним отошел в сторону. Так и стояли они рядом, пока над завернутым в брезент старшим Оразовым не выросла песчаная горка.

И снова долго смотрел Чары в ту сторону, куда ушел Шамурад-хан...

Отряд возвращался к югу. Справа, крайним в боковом охранении, ехал Чары Эсенов. И вдруг зоркие глаза его разглядели далеко в стороне белую точку. Не говоря никому ни слова, он повернул коня.

Белая точка замерла на месте. Подъехав ближе, Чары заметил, что точек три: одна белая и две черные. Они начали быстро удаляться. Чары погнал коня. Неожиданно точки разошлись в разные стороны. Но сердце не обмануло его. Он повернул влево, наперерез белой. Минут через двадцать Чары разглядел белоснежный тельпек и прибавил ходу. Передний всадник выехал на высокий бархан, покрутился там, подняв облачко пыли, и погнал коня напрямик к завешенной утренним туманом цепи гор. Чары уже знал, кто впереди.

Далеко позади остался отряд. Давным-давно пропали за горизонтом и черные точки. Еще раз выехал на бархан всадник в белом тельпеке. Теперь он был куда ближе... Сверкнули зайчики бинокля, и тут же полоснул выстрел. Шамурад-хан тоже узнал Чары.

Они гнали коней ровным шагом. Оба они были опытные кавалеристы.

Солнце описало в небе полукруг. Горы поднимались над горизонтом сплошным широким массивом. А Шамурад-хан и Чары все мчались, не сбавляя шага.

Медленно сокращалось расстояние между ними, но все же сокращалось. Это знали они оба. И вдруг Шамурад-хан исчез.

Но Чары на этот раз не бросился напрямик. Он объехал бархан с другой стороны и осторожно спустился к такыру. Еще не расслышав выстрела, он лежал на песке. Пуля свистнула над самой головой. И снова понеслись всадники уже по ровному такыру. На один — два пальца был размашистей шаг коня у Чары, но это давало себя знать. Он уже видел, как топорщатся складки халата Шамурад-хана. Тот начинал нервничать. Пять раз он оборачивался, и пять раз гремел короткоствольный смитовский карабин. Чары не отвечал...

Кончился такыр. Опять пошли пески. Каменное дно неуклонно поднималось.

Как только начались пески, расстояние между всадниками сразу сократилось. Шамурад-хан больше не оборачивался. Солнце било в глаза и мешало выбирать дорогу. Загнанные кони спотыкались о крученые корни саксаула. Неожиданно Шамурад-хан выбросился из седла и, став на колено, выстрелил. Дико заржал и забился всеми четырьмя ногами на песке конь Чары. Шамурад-хан засмеялся и, вскочив в седло, перетянул камчой своего мокрого коня. Но не проехал он и сотни шагов, как конь осел на задние ноги и повалился на бок. Только после этого прокатилось по пескам эхо выстрела...

Теперь они шли к горам, тяжело вытаскивая ноги из плывущего песка.

•

Зем-зем застыл, слегка повернув свою страшную, но безобидную голову. Теперь этот

громадный ящер Черных Песков еще больше напоминал крокодила. Из-под старого корня струйкой скользила змейка со светлой отметинкой на голове. Увидев зем-зема, она окаменела от ужаса. Но тому было не до нее. Он вдруг рванулся и пропал в старых корнях. Только яростное шипение говорило о его присутствии. Сверкнув черной молнией на солнце, пропала змейка. Сухо треснул пистолетный выстрел, и послышались тяжелые торопливые шаги человека...

Они были одни в огромной безбрежной пустыне. Два затерявшихся в песках человека, два последних представителя двух родов.

На Шамурад-хана напал панический страх. Он расстрелял две обоймы из карабина и швырнул его в сторону. Потом сорвал с головы и отбросил легкий белый тельпек. Каждую секунду ждал он выстрела сзади и бежал зигзагами, как затравленный джейран. Но Чары не стрелял. Сдвинув брови, шел он упорно вперед. Между ними оставалось теперь шагов пятьдесят. Оглянувшись, передний ясно увидел лицо того, кто шел за ним. Он дико закричал, выхватил пистолет и начал стрелять с лихорадочной быстротой. Пистолет прыгал в его руке. А Чары все шел...

Вяло щелкнул боёк, не найдя очередного патро-

на. Тогда Шамурад-хан бросил пистолет и кинулся бежать, не выбирая дороги. Там, впереди, уже ясно вырисовывались древние башни и стены.

До них оставалось немного. Солнце все быстрее скатывалось к западу. Шамурад-хан несколько раз падал и лежал все дольше, хватая ртом теплый осенний воздух. Когда он падал, Чары садился и тяжело дышал, не спуская с него глаз.

Так и подошли они к крепости. Когда длинная тень угловой башни слилась с их тенями, между ними не было и двадцати шагов. Тогда, собрав последние силы, Шамурад-хан пошел вверх. У ворот он упал и, обдирая руки, пополз вперед, оставляя в древней пыли капли крови.

Чары встал, глубоко вздохнул и пошел за ним, упираясь в землю прикладом карабина. Взобравшись наверх, он передохнул и двинулся прямо в ворота. На тех самых камнях, где остался он когда-то умирающий, с заплеванным лицом, лежал теперь его кровный враг, убийца всего его рода.

Шамурад-хан приготовился к смерти. Сложив руки на животе, он смотрел безразличным взглядом в багровое от заката небо. Чары медленно подошел и, чтобы не упасть, оперся о карабин.

Он долго стоял так и смотрел в лицо врага. Взгляды их встретились.

— Убивай, собака, раб!..— хрипло прошеп-

тал Шамурад-хан и закрыл глаза. Чары сунул руку за пояс и вытащил острый нож с серебряной насечкой, заправленный в узкие кожаные ножны. Нож его брата Берды... Чары посмотрел на нож и сунул его в карман. Потом прикладом толкнул лежащего.

— Встать! — коротко сказал он по-русски.

Они шли обратно через пустыню. Руки Шамурад-хана были спутаны за спиной толстым кожаным ремнем, как ноги пасущегося верблюда. Было темно и тихо. Туманная мгла заволокла звезды. Но оба они хорошо знали эти места.

В полночь завыли шакалы. Тогда они сделали привал. До самого рассвета Шамурад-хан лежал, а Чары сидел рядом и держал обмотанный вокруг руки конец ремня. Потом они пошли дальше. И когда солнце стояло высоко над головой, вдали сверкнула белая гладь. Казалось, раздвинулись пески и легкие волны ходят по чистой воде. Минут через двадцать они уже рвали сапогами застывшую корку соли. Здесь они сделали привал. Это было то самое озеро... Увязнувшие в соли, торчали поломанные стойки кибитки, валялись черепки посуды.

Шамурад-хан лежал, не двигаясь. Чары подошел к нему.

— Встать! — приказал он.

И они пошли дальше.

Во фляге оставалось немного воды. Слюна у них стала липкой и тяжелой. Язык прилипал к зубам. Они все чаще садились отдыхать. Но вот Шамурад-хан попробовал встать и,

приподнявшись, тяжело повалился на песок. Тогда Чары отстегнул от пояса фляжку и приставил ко рту пленника. Тот жадно глотал воду, а когда напился, выбил вдруг головой фляжку из рук Чары. Песок впитал остатки воды. Шамурад-хан радостно засмеялся. Чары, ни слова не говоря, подобрал пустую фляжку и снова пристегнул к поясу.

К вечеру Шамурад-хан совсем выбился из сил. Тогда Чары повесил на грудь карабин и взвалил пленника на плечи.

Сырой ночной туман спустился на Черные Пески. Разрывая его, тяжело шагал человек, неся на спине другого. Он опускал его на землю и подолгу лежал рядом, прижимаясь твердыми потрескавшимися губами к отсыревшему песку. Потом снова вставал, взваливал лежащего на спину и, шатаясь, шел дальше.

Отряд строился на поверку. Держа в поводу коней, особисты равняли ряды взводов. Вдруг все замерли. Из-за конюшни бежал подчасок. Он еще издали что-то крикнул командиру. Все разом повернулись к конюшне.

Из-за длинного приземистого здания вышли двое. Передний, в порванном запачканном халате, ковылял, втянув голову в плечи. Задний был бойцом отряда. Пояс туго стягивал статную фигуру. Но такое черное, изменившееся лицо было у него, что только по горевшим лихорадочным огнем глазам узнали рядового Чары Эсенова.

Подойдя к командиру, он приказал переднему остановиться. Потом круто повернулся.

— Товарищ командир! Классовый враг Шамурад-хан... Взят в Карры-кала!..— доложил он четко. И тут только устало опустился на землю.

г. Ашхабад. 1957 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

4/-

2012/189

Симашко (Шамис) Морис Давыдович
В Черных Песках
Редактор *Балашова З. А.*
Художник *Шерстобитов В. Ф.*
Технический редактор *Коновалова Е. К.* Корректор *Чебыкина Э. А.*

Сдано в набор 4.7.59 г. Подписано к печати 3.11.59 г.
Формат бумаги $70 \times 92^1/_{32}$ — 3 п. л. 3,51 усл. п. л. 3,312 уч.-изд. л.
Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, К-9, Тверской бульвар, 18
Изд. № 12/1919 Г-50964 Заказ № 341

2-я типография Военного издательства
Министерства обороны Союза ССР
Лениград, Д-65, Дворцовая пл., 10
Цена 1 руб.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное издательство просит прислать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, К-9, Тверской бульвар, 18, Военное издательство.

20R/189

Цена 1 руб.

ЗИН № 6
15